

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
Мистерии Востока и христианства
Четыре лекции, прочитанные в Берлине с 3 по 7 февраля 1913 года
GA 144

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ *Берлин, 3 февраля 1913 года*

В этих лекциях я хотел бы дать вам картину сущности мистерий и ее связи с духовной жизнью человечества. Поэтому с самого начала, в вводной части, необходимо составить представление о некоторых переживаниях на пути в высшие миры. Мы рассмотрим то, что уже затрагивалось в нашей антропософской работе, но в ближайших лекциях это будет показано с других точек зрения, на которые до сих пор еще мало обращалось внимания, по крайней мере в необходимой для нас связи.

Все, что объединяется понятием «сущность мистерий», основано, в конечном итоге, на переживаниях посвященных в высших мирах. Знание и импульсы практической работы должны быть принесены из высших миров, поскольку это знание и эти импульсы принимаются во внимание в сущности мистерий. Подобно тому как в самых разнообразных областях следующих друг за другом периодов человеческой жизни развитие человека принимает различные облики, так же происходит это и в отношении всего, что мы зовем «сущностью мистерий». Наша душа через следующие друг за другом человеческие жизни проходит не напрасно: нам необходимо в каждом воплощении пережить нечто новое, чтобы потом присоединить это к тому, что в предшествовавших воплощениях мы уже связали с нашей душой. Картина внешнего мира в большинстве случаев полностью меняется, когда мы, пройдя духовные миры между смертью и новым рождением, вступаем в новое человеческое бытие через физическое рождение. Поэтому легко понять, что в следующих друг за другом эпохах развития человечества должна измениться и сущность мистерий, сам принцип посвящения.

В наше время он претерпел огромные изменения потому, что посвящение сейчас до известной степени может достигаться без какого-либо личного руководителя, потому что в настоящее время стало возможно изложить принцип посвящения открыто, как, например, в моей книге «Как достигнуть познания высших миров». Тот, кто с подлинной серьезностью попытается пережить описанное в этой книге, тот сможет продвинуться на пути посвящения очень далеко. Применяя указанное там к своей душе, он может прийти к тому, что бытие духовных миров станет для него таким же познанием, как познание внешнего физического мира. Благодаря медленному, неустанному и постепенному применению всего описанного к собственной душе, он сможет осуществить прорыв в постижение духовных миров. Таким образом, стало возможно описать путь посвящения, который может быть пройден без особых катастроф и переворотов в душевной жизни.

Отныне стало возможно уже открыто обсуждать путь проникновения в высшие миры. Необходимо добавить, что и теперь, если пройти по этому пути дальше известной границы, страдания, боль и особые переживания могут, конечно, ворваться в жизнь человека смятением и переворотом, и для того, чтобы этого не произошло, он должен прежде созреть. Но необходимо снова подчеркнуть: все, что было мною опубликовано, каждый человек может делать совершенно безопасно и благодаря этому уйти очень далеко. Само собой разумеется, нельзя говорить, что путь в высшие миры чем-то ограничен или имеет пределы, но если человек дошел до известной границы и намерен двигаться дальше, то ему нужно обладать уже определенной зрелостью, особой зрелостью, дабы избежать исключительных потрясений в своей душевной жизни, не болезненных, но все же внутренних потрясений души. Эти потрясения минуют его душу, если на пути посвящения он работает правильно. Необходимо, чтобы путь посвящения протекал правильным образом.

Для того чтобы произошел этот прорыв в область мистерий, вся душевная жизнь человека должна постепенно измениться. Все в душевной жизни должно стать иным. Эти изменения можно вкратце охарактеризовать так: то, что для обычной жизни кажется назначением, целью, самоцелью, у того, кто хочет проникнуть в мистерии, оно должно стать только средством для достижения высших целей. Человек в обычной жизни воспринимает внешний мир своими органами чувств, он воспринимает его в красках, формах, звуках и других чувственных впечатлениях.

Человек в обычной жизни известным образом живет в мире этих чувственных впечатлений. На определенной ступени посвящения человеку уже нельзя просто противопоставить себя внешнему миру в переживании синего, красного или какого-нибудь иного цвета: он должен быть в состоянии сделать переживание цвета, не теряя его, только средством для достижения высших целей, высших назначений.

В обычной жизни, например, человек, глядя в ясный безоблачный день на окружающее его мировое пространство, видит синеву неба. Он живет в созерцании небесной синевы. Но если он хочет стать посвященным определенной ступени, то должен быть в состоянии созерцать небесную синеву так, чтобы она стала для него совершенно прозрачной. Тогда как обычно небесная синева является «границей» для зрения, теперь она должна стать для него прозрачной и то, что он хочет видеть, он должен прозревать сквозь небесную синеву. Для него она уже не будет более служить границей. Или возьмем розу: для внешнего взгляда роза в своих поверхностях ограничена красным цветом. В момент посвящения красный цвет перестает быть границей. Он становится прозрачным, а за ним выявляется то, что, собственно, ищет посвященный. Природа цвета не перестает действовать, но иное видит посвященный, когда смотрит на синеву неба, иное видит он сквозь алеющую розу, иное через утреннюю зарю и т. д. Следовательно, цвет переживается определенным образом. В непосредственном созерцании он становится прозрачным, как бы устраняется силой упражняющейся души. И так будет со всеми впечатлениями чувств. Если ранее человек жил в них, ограничивался в своих переживаниях только впечатлениями чувств, то после посвящения они становятся лишь средством для переживания того, что скрыто за ними.

И так же обстоит дело со всем миром мыслей. В обычной жизни человек мыслит. Я прошу здесь не понять меня неверно. Если вы правильным образом сравните это с другими проявлениями, то заметите соответствие. Но действительно можно сказать, что с определенной ступени посвящения мышление в обычном смысле этого слова прекращается. Человек, проходя посвящение, никоим образом не должен считать мышление ненужным, но то, что раньше было назначением и целью его душевной жизни, теперь должно стать исключительно средством. То есть посвященный переживает новый мир. Для этого нового переживания ему помимо других вещей, о которых мы еще будем говорить, нужно оставить точку зрения обычного физического мышления. Человек в материальном мире судит о вещах, создает суждения и приобретает о них мнения, но на известной ступени посвящения мнения и суждения о вещах не имеют более никакого значения, никакой ценности.

Здесь я должен сделать одно замечание, ибо мы говорим об областях душевной жизни, так сильно отличающихся ото всего, к чему мы привыкли, что очень легко могут вкрасться различные недоразумения. Достигая ступени посвящения, которую я буду описывать дальше, человек вынужден вести как бы двойной образ жизни. В обычной повседневной жизни невозможно обойтись без суждения о вещах. На физическом плане нам просто приходится судить и думать о вещах. Все окружающее, к чему бы мы ни прикоснулись, убеждает, что на физическом плане надо думать. Представьте себе, что вы едете по железной дороге и совсем не желаете ни о чем думать; тогда на той станции, где вам нужно сойти, вы будете продолжать сидеть в вагоне. Бездумность, может статься, приведет даже к тому, что антропософ, призванный бережно хранить свою членскую карту, может забыть ее, например, на своем пассажирском месте, что, конечно, противоречило бы основному правилу хранения членских карт. Мир так устроен, что в нем нам необходимо думать и составлять суждения. Но эта точка зрения на суждение и мышление неприменима в высших мирах. Может произойти смешение этих точек зрения: человек может оказаться столь сильно озабоченным своим стремлением проникнуть в высшие миры, что забудет о физическом плане. Но, конечно, следует разделять эти две вещи: абсолютно здоровую способность суждения, принимающую во внимание жизненные обязанности на физическом плане, — и в то же время ясное представление о том, что все, способствующее развитию в физическом мире, для высших миров должно быть только средством.

Мысли, идеи, суждения должны стать для посвящаемого тем, чем для художника являются, например, краски: они для него не самоцель, а служат ему лишь для выражения того, что он хочет сказать в своей картине. В обычной жизни в физическом мире мысли и идеи являются самоцелью. Для посвященного они становятся лишь средством для выражения того, что он переживает в высших мирах.

Это происходит только тогда, когда уже выработано определенное настроение души по отношению к мнениям, суждениям и так далее. Тот, кто заранее отдает предпочтение тем или иным взглядам, кому приятнее, чтобы то или другое было истиной, — тот не может достигнуть подразумеваемой здесь ступени посвящения. Только тот, кто своим собственным мнениям придает так же мало значения, как и мнениям другого, кто вполне готов отказаться от собственного мнения для чистого созерцания — только тот находится на верном пути.

Вообще самое трудное внутреннее переживание состоит в том, чтобы преодолеть «свою» точку зрения, подняться над точками зрения «других», преодолеть суждения.

Здесь у того, кто ищет путь в высшие миры, возникает известная трудность в отношениях с другими людьми. Тот, кто ищет путь в высшие миры или уже достиг известной ступени на этом пути, ко многим вещам в жизни благодаря достигнутому им душевному состоянию будет относиться иначе, чем принято. Прежде всего у него появится по отношению ко всем вещам особое качество: быстро узнавать, как надо поступать в том или другом случае жизни. Может быть, окружающие будут спрашивать его: почему должны мы делать именно это? Конечно, становясь на точку зрения других людей, он сможет дать ответы на эти «почему». Но для этого с той ступени, на которой он находился и откуда как бы одним махом видел все происходящее, ему придется сойти, спуститься к другому человеку и вынудить себя следовать ходу мыслей обычной жизни. Этот быстрый просмотр жизненных связей, лежащих далеко друг от друга, имеющих многие промежуточные соотношения, возникает как некоторое попутное явление при условии, что были преодолены суждения, мнения, те или иные точки зрения.

Далее необходимо достичь того, что связано с иными внутренними моральными свойствами. Об этих качествах мы еще будем говорить. Теперь же укажем лишь на одно из них, которое уже упоминалось. Это бесстрашие. Нужно иметь в виду, что когда вся жизнь души изменилась, а переживания превратились, так сказать, из цели в средство, то и переживания будут совсем иными, чем раньше. Все переживается совершенно по-новому. Действительно, первая встреча с чем-то неизвестным, незнакомым поначалу всегда вызывает страх. А так как здесь затрагиваются интимные глубины души, то состояние страха может породить всевозможные внутренние переживания. Поэтому подготовка к пути в высшие миры предполагает приобретение известного бесстрашия.

Такое бесстрашие достигается определенными медитациями. Это возможно. Но обыкновенно для этих медитаций у людей не хватает должной выдержки. Хорошей медитацией является, например, постоянное размышление о том, что благодаря знанию о вещи эта вещь не изменяется сама в себе. Если кто-нибудь, например, знает о каком-то опасном событии, которое непременно случится через час, и не в состоянии препятствовать ему, он, может быть, будет объят страхом и ужасом, но то, что он знает об этом событии, ведь ничего не меняет в этом деле! А потому страх и ужас просто бессмысленны, если знаешь обо всем. Этой бессмыслице по естественным свойствам подвержены все души. Она неукоснительно встретила бы человеку на известной ступени посвящения, если бы посвящение все время не готовило его к бесстрашию: — Да разве изменишь что-либо в этом деле, зная о нем?

Медитирующий, готовящий себя к известной ступени посвящения, приходит к весьма поразительному познанию того, что с его собственной человеческой душой, с тем, что таится у него в глубине души, не все ладно. Под порогом сознания есть нечто, что поистине, исходя из суждений обычной жизни, хотелось бы иметь иным. Под порогом сознания находится нечто ужасное, нечто весьма страшное. И естественно, если человек неподготовленный увидел бы собственные бездны души, то ужаснулся бы сам себе. Следовательно, нужно готовить себя к такой встрече, постоянно медитируя над мыслью: «вещь не становится иной оттого, что ее познаешь». Поистине, ужасное вызывается из бездны души не тем, что ты встречаешься с ним и видишь его. Оно ведь всегда находится там, даже если человек не сознает его. Но благодаря постоянно повторяемой медитации над мыслью, что «вещи от познания не становятся иными», можно избавиться от изрядной доли ужаса.

Итак, из приведенного здесь вы видите, что в определенный момент восхождения в высшие миры интеллектуальные и моральные качества души должны сливаться друг с другом. Для обычных внешних наук в наше время достаточно обладать лишь интеллектуальными качествами. Мужество и бесстрашие я называю моральными

качествами. Без них достигнуть определенных ступеней посвящения нельзя.

Говорим ли мы о восточных мистериях или о западных — определенные ступени у них общие. Поэтому для всех мистерий это можно выразить одинаково. Так, например, каждая душа, которая хочет достигнуть известной ступени посвящения, определенной ступени мистерий, должна «прийти в соприкосновение с переживанием смерти». Второе, что должна испытать всякая душа, есть «прохождение через элементарный мир». Третье — это то, что в египетских и других мистериях называлось «созерцанием Солнца в час полуночи», и, наконец, то, что называется «встречей с высшими и низшими богами». Все эти переживания необходимо будет пройти каждому, кто дошел до известной ступени посвящения. Путем внутреннего опыта он должен познать, что подразумевается под этими вещами, он должен будет научиться жить, так сказать, в двух мирах — в одном, где человек живет сейчас, в мире физического плана, и в другом, где знают, что означает «соприкосновение со смертью», «проход сквозь элементарный мир», «увидеть полуночное Солнце», «встреча с высшими и низшими богами».

Приблизиться к смерти! Речь идет о том, что человек в состоянии бодрствования между рождением и смертью, поскольку он сознательно живет так, как я показал вам, должен постоянно побеждать обыденное, преодолевать его. Для посвящаемого все, чем живет обычный человек, должно стать только средством. Попробуйте представить себе, чем живет человек на физическом плане: впечатлениями своих чувств, он пребывает в мире обычных душевных переживаний — вот мир, в котором он живет. Но как только человек вступает в сущность мистерий, все это должно стать только средством. Что же остается ему от ощущений обычной жизни? Не остается ничего. Все это приобретает второстепенную ценность. Итак, все, что человек внутренне и затем внешне переживает в своей обычной жизни, он должен отбросить.

Подумайте: голубой небосвод становится прозрачным, исчезает, не существует более. Все границы, образуемые красками на поверхности вещей, исчезают, не существуют. Звуки физического мира прекращаются, не существуют. Все, что чувствуют через осязание, прекращается, не существует. Но я прошу заметить, что все это становится переживанием! Так, например, чувство «твердой почвы под ногами» как выражение осязания прекращается, человек чувствует, будто земля уходит у него из-под ног и ему не на что опереться. Он не может вначале ни подняться, ни опуститься. То же самое происходит со всеми впечатлениями. Короче говоря, все, что предлагается нам физической жизнью — все, что переживает человек в нормальной жизни между пробуждением и засыпанием, все, что свойственно физическому телу, — все это прекращается. Наступает состояние, от которого в обычной жизни человек защищен: как если бы во время сна, не пробуждаясь в физическом теле, он получил бы вдруг сознание. Нельзя сказать, что подобное состояние уже достигается человеком во сне в обычной физической жизни. Нет, хотя сон есть известным образом внефизическое переживание, но все же во сне интенсивность переживания настолько понижена, что человек не сознает, что находится за порогом всех физических переживаний.

Эта интенсивность в сознании — «ты находишься вне всякой физической жизни» — на деле дается лишь в посвящении. То есть при восхождении в высшие миры наступает момент, когда твое физическое тело противостоит тебе, уже не подчиняется тебе, — в то время как в дневной жизни ты можешь свободно двигать руками, переставлять ноги, сгибать колени, опускать и поднимать веки и т. д. — но в момент посвящения ты ощущаешь свое физическое тело как бы застывшим, окаменелым, невозможно ни пошевелить веками, ни пользоваться своими руками, ни двинуть ногой и т. д. И дальше наступает момент, когда, хотя ты и знаешь, что твое физическое тело обладает, к примеру, глазами, но сейчас они не могут служить для зрения, потому что едва что-либо видят. С одной стороны, все вещи становятся прозрачными, а с другой стороны, прекращается всякая возможность подойти к этим вещам с помощью обычных средств, имевшихся до сих пор.

Попробуйте постичь в обычном смысле этого слова такое полное расхождение. Если подойти к данному моменту в посвящении достаточно подготовленным, то удастся за, так сказать, прозрачными вещами прозревать то, что находится за ними. Но в тот миг, когда это начинается — когда, например, голубой небосвод становится прозрачным, — глаз вообще теряет возможность видеть этот голубой небесный свод. То есть первый момент сущности мистерий состоит в том, что приходят в точку, где преодолевается чувственное созерцание, а также мышление. То, что было

достигнуто, в тот же момент отнимается. Человеку дается нечто совершенно новое, но тут же отнимается, и в сознании остается лишь одно: «Ты смог наконец подойти к высшим мирам, и в тот же миг ты лишился их».

Представьте себе это переживание. Этот миг в мистериях всех времен определяется как «достижение врат смерти». Теперь вам понятно, что означают слова: «мир будет отнят», то есть ты лишишься мира всех впечатлений. И становится понятно, что в этот момент ты есть не что иное, как эти впечатления, ибо, по сути, нет ничего иного, чем эти впечатления, внутренние впечатления. Человек в момент засыпания, лишаясь всех впечатлений, в нормальной жизни впадает в состояние бессознательности. То есть он *живет* в своих впечатлениях. Теперь, преодолевая впечатления обычной жизни, он знает, что ушел настолько далеко, что может видеть сквозь вещи: но новый мир тут же отнимается у него. Это мы разберем позже еще подробнее, пока же я хотел только пояснить, как понимать вышесказанное.

По отношению к этой необходимой остановке в пути, этой невозможности следовать дальше, нет иного спасения, кроме выработки своего внутреннего существа до такой степени — пока не наступит момент, — чтобы суметь взять с собой то единственное, что вообще можно пронести через эту точку. Нужно дойти до точки, где собственно внешний мир уже не имеет никакой власти, а в развитии своего внутреннего существа продвинуться настолько, чтобы благодаря тренировке таких качеств, как доверие к себе, уверенность в себе, присутствие духа и других внутренних добродетелей — здесь под «добродетелями» подразумевается трудолюбие, — человек получает внутреннюю силу, внутреннюю энергию, чтобы в тот момент, когда он лишается мира, обладать некоторым избытком этой энергии. Здесь возникает одно очень важное переживание, необычайно важное переживание.

Подумайте только о том, что вы проработали себя и доходите до границы, за которой мир становится прозрачным, и тут же лишаетесь его. Теперь ничего нельзя спасти: ничего, кроме определенной внутренней силы, благодаря развитию в себе доверия, присутствия духа, бесстрашия и подобных внутренних качеств. Тогда ты чувствуешь: «Ты один в мире! Ты совершенно один в мире!» И это переживание все растет, и уже можно сказать: «Ты сам — весь мир!» Нарастая все сильнее и сильнее, это становится все более всеобъемлющим. В душе посвящаемого может возникнуть совсем иной мир, новый мир, и это вполне закономерно. Чувствуешь, что ты достиг границы, где стоял перед «ничто». Но ты сам обладал определенной силой. Может быть, вначале она слишком мала, но затем она становится все больше и больше, расширяясь во все стороны. Начинаешь вступать в целый мир, проникаться всем миром, и чем глубже пронизываешь мир собственной сущностью, тем больше изменяется она. Принесенная сила простирается в ту или иную сторону, и, следуя ей, все время переживаешь нечто новое. В этих переживаниях для человека есть сперва нечто страшное, потому что в них теперь совершенно отсутствуют две вещи, всегда имевшиеся на физическом плане, и теперь, благодаря их исчезновению, начинаешь получать представление о них.

Первое, что прекращается, это чувство материальности, физической материальности. Всякое материальное бытие исчезает в неопределенное ничто, его больше нет. Чувство соприкосновения с «твердым» или «мягким», с водой или воздухом — это чувство, чувство окруженности материей, прекращается, его больше нет. Имеешь дело лишь с качеством вещей, но не с самими вещами. От тяжелых физических плотных тел остается лишь плотность, но не субстанциональность; от жидких тел остается лишь текучесть, качество «быть текучим», но не субстанциональность: вода или жидкость; от воздуха остается лишь стремление к распространению во все стороны, но не субстанциональность. Ты глубже проникаешь в качества предметов, но лишь в их качества, а сами предметы исчезают, всякая материальность полностью прекращается. Это первое, что исчезает.

Второе, что прекращается на данной ступени переживания, это всякая связь с тем, что в обычной физической жизни называют чувственными восприятиями. Это уже ясно из предыдущего. Ничто не воспринимается человеком, но он сам есть все. Существует только впечатление времени: «до сих пор» ты еще не то, чем станешь «после» некоторого времени. Уже нет предметов вне тебя, находящихся в другом месте и действующих оттуда. Все — или в самом человеке, или вообще не существует. Все, что встречается, становится самим человеком, сливается с ним, становится с ним единым и наконец человек становится таким огромным, что сливается со всем миром.

Я описываю реальные переживания. Это то, что в мистериях обыкновенно называлось «переживанием элементарного мира». Хотя здесь и поднимаешься над переживанием «соприкосновения со смертью», но достигаешь только, так сказать, неразличимого единства со всем миром.

Теперь имеется двоякая возможность. Или подготовка была хорошей, или не стала таковой. Если она была хорошей, то у посвящаемого, до известной степени «излитого» в мир, должен остаться избыток сил. Если это произошло — вы видите, я даю сегодня иную точку зрения на известные вещи, но теперь нужна именно эта точка зрения, — итак, если это произошло и осталась известная энергия, которая раньше была достаточно укреплена, то наступает следующее.

Если раньше в обычном мире человек видел находящийся перед ним предмет, смотрел на него и предмет производил впечатление своим видом так, что он нечто узнавал об этом предмете, то с этого момента посвящения подобное восприятие прекращается. Ибо мы имеем дело не с повторением обычного мира, вещи выявляются не как вещи физического мира, лишь невидимые раньше, нет, теперь нужно иметь в своем распоряжении еще силы, которые можно излить из себя сверх того. Потратив достаточно сил на то, чтобы слиться воедино с миром, нужно иметь в себе некоторый излишек их, чтобы потом извлекать их из себя, подобно тому как паук извлекает из себя свою паутину. Вы видите, как много в мистериях зависит от развития в душевной жизни устойчивой внутренней энергии. Нужно иметь большой запас прочности, чтобы все, чему суждено, смогло произойти.

Затем может встретиться следующее. В высших мирах вы, конечно, не пользуетесь физическими глазами, ибо они принадлежат физическому телу, из которого вы давно вышли. Но благодаря тому, что из человека излилась и еще может излиться некоторая энергия, подобно тому как паук извлекает из себя паутину, у человека образуется нечто вроде нового органа. Можно наблюдать, что вместе с тем, что извлекается из нас наподобие паутины, теперь возникает нечто новое. И тут перед вами встают определенные вещи — это можно сравнить со следующей ситуацией. Представьте себе, что сейчас здесь передо мной не было бы часов, а глаза находились бы вон там и глаз благодаря своей внутренней силе высылал бы из себя луч, который сам бы мог сфокусироваться в часы так, что они возникали бы здесь перед нами благодаря деятельности глаза. В данном случае дело не в конструкции или создании субъективного мира, а в извлечении из себя душевной субстанции. И высшие миры, в которые мы хотим войти, требуют этого окольного пути для того, чтобы можно было их познать. Они должны пройти, проникнуть сквозь нашу душевную субстанцию, которую мы им предоставили. В физическом мире вещи встают перед нами без нашего участия. В высших мирах перед нами не возникнет ничего, если сначала мы не приготовим для этого нашу собственную душевную субстанцию. Поэтому-то так сложно отличить в этот момент субъективное от объективного. Ибо совсем субъективно то, что мы извлекаем из нашей душевной субстанции, и совсем объективно то, что использует извлеченную из нас энергию для того, чтобы прийти к восприятию.

Я привел это для того, чтобы вы могли понять, что всякая тренировка в мистериях заключается главным образом в развитии, повышении энергии души. Нужно сделать душу сильной, твердой, энергичной. Поэтому посвящаемый должен заранее отказаться от того, что предметы и сущности высших миров будут преподнесены ему на блюде. Для каждой области высших миров ученик должен сначала развиться. Ничего не достичь без усилий, равным счетом ничего! Все сказанное относится как к индивидуальному развитию, так и к ступеням развития всего человечества на пути к высшим мирам.

Возьмем какую-нибудь сущность, которая должна была воплотиться в ходе развития человечества, чтобы своими духовными силами воздействовать на это развитие. Обратимся, например, к индивидуальности Моисея, которая должна была включиться в ход развития человечества. Было бы наивно представлять, что человечество развивалось бы своим путем, а небо вдруг ниспослало бы ему Моисея. И вот Моисей на Земле, люди знают, что это Моисей и нужно лишь исполнить то, ради чего он пришел. Если бы таким способом куда-нибудь был послан Моисей, то это не имело бы особых последствий. Ведь никто даже бы и не осознал, что рядом находится «Моисей». Дело не в чисто внешнем появлении той или другой личности, а в том, чтобы часть людей могла понять, какой дух обитал в данном человеке. Им необязательно было пояснять — «это Моисей», это тот-то, а это тот-то, — они уже

соответствующим образом подготовили свои души к этой встрече и сами знали: «Перед нами — Моисей», а вовсе не потому, что кто-то сказал им об этом. Они знали о том, что встреченная ими духовная сущность должна иметь тот или иной вид! Они знали, что она должна выглядеть так, а не иначе.

Итак, мы имеем условие: путь в высшие миры связан с приобретением энергии, с укреплением внутренних душевных сил, и ничто здесь не может быть дано извне, а достигается лишь путем развития внутренней жизни человека. Ибо только так можно переступить порог тех миров, которые проходит человек между смертью и новым рождением. Все вышесказанное есть введение. Следующую лекцию мы начнем с того, что обрисовываем миры между смертью и новым рождением, поскольку человеку сейчас, уже во время своей земной жизни, важно и необходимо узнать о сущности мистерий, узнать, что являют собой высшие миры.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ *Берлин, 4 февраля 1913 года*

Из вчерашней лекции, пожалуй, уже ясно, что восхождение в высшие духовные миры зависит от того, насколько человек укрепляет внутренние силы своей душевной жизни. Благодаря упражнениям, которые он делает, чтобы подняться в высшие миры, человек развивает в себе силы, намного превосходящие те душевные силы, что нужны ему в обычной жизни. Укрепление душевных сил для внутренних переживаний, для развития внутренней подвижности необходимо потому, что человеческая душа, освобождаясь в обычной жизни от своего физического тела, то есть засыпая, тотчас впадает в бессознательность. То есть человеку в нормальной жизни недостает сил, чтобы в тот момент, когда физическое и эфирное тела более не помогают ему и ему приходится, как во сне, жить вне физического и эфирного тел, действительно обнаружить свое сознание, свою внутреннюю подвижность. Благодаря упражнениям по медитации, концентрации и контемплации (созерцания) в ту часть человеческого существа, которая в обычном сне не зависит от физического и эфирного тел, необходимо заложить силы, которые приведут к просветлению сознанием астрального тела и «я» человека так, чтобы они могли переживать и приобретать опыт независимо от физического и эфирного тел. Душевные силы, развитые таким образом, превышая силы обычной жизни, наделяют человека способностью, описанной в предыдущей лекции, способностью после встречи с тем, что обозначают как «ничто», вступить в новый мир, в мир, где он — подобно выплетающему из себя паутину пауку — изливает духовно-субстанциональное содержание своей души и в этом излитом из себя воспринимает духовные миры, встающие перед ним.

Человек, покинувший таким образом обычный физический мир, проходит через «стояние над пропастью» — ибо это и есть встреча с «ничто» — и вступает в область нового мира. Там он переживает не просто иное, но переживает его совершенно иным способом, по-иному, чем в физически-чувственном мире. Мы можем исходить из одного весьма обычного переживания физического плана. На физическом плане человеку являются как бы в двух совершенно отдельных областях факты, подчиняющиеся законам природы, и все, что подчиняется законам морали.

В обычной физической жизни, рассматривая явления природы, в том числе и царство животных, мы принимаем во внимание только законы природы и, в сущности, не можем применить здесь никакой моральной мерки. Мы не спрашиваем, например, отчего горный хрусталь образует шестигранный столбчатый кристалл из двух шестигранных пирамид, мы не спрашиваем, почему данная минеральная субстанция образовала именно этот вид кристалла. Мы не ожидаем в данном случае никакого иного ответа, чем соответствие закону природы. Мы не спрашиваем, сделал ли горный хрусталь что-то доброе на своем веку, чтобы стать именно горным хрусталем, не спрашиваем также, каков его образ мыслей или в каком настроении пребывает он сегодня. Мы не ищем моральной закономерности в минеральном царстве, как и в растительном мире. Самое большее, что мы делаем, да и то в переносном смысле, — следуя симпатиям людей, мыслящих в духе дарвинизма, — мы применяем моральные понятия к животному царству. Но и здесь нас больше всего интересует природная закономерность.

При подходе к миру людей мы чувствуем себя обязанными судить человека по мерке любви, благосклонности и т. п. В физическом мире мы рассматриваем все

явления, как уже было сказано, отдельно: явления, заключенные в сеть законов природы, и человеческие дела с душевными настроениями, к которым мы прилагаем мерку законов морали. Поистине у нас не выйдет ничего хорошего, если мы смешаем оба ряда явлений на физическом плане. Человек, живя в физическом мире, привыкает судить обо всем двояко. Поэтому нелегко, пройдя над пропастью «ничто», вступить в духовные миры, где необходимо совсем другое суждение, где фактически то, что можно было бы назвать «законом природы» — в отличие от явления природы на физическом плане, — не отделено от морального начала. Поэтому, достигнув момента, о котором говорилось в предыдущей лекции, надо привыкать судить о происходящем подобно тому, как мы судим о явлениях природы, а также о моральных явлениях физического мира. Моральный мир и физическая закономерность — здесь не подразумевается «закономерность» по образцу присущей физическому миру закономерности, — итак, когда вступаешь в духовные миры, то находишь, что мир законов природы и мир моральной закономерности соединяются друг с другом, как бы «входя», взаимопроникая друг в друга.

То же самое происходит, когда открывается царство, переживаемое человеком между смертью и новым рождением. Видящий в духе может встретить там — если он всерьез достиг момента в своем развитии, описанного в предыдущей лекции, — те души, которые, пройдя через врата смерти, продолжают свое развитие между смертью и новым рождением. Для суждения о переживании этих душ нужен совершенно иной образ мышления. Я поясню это на некоторых примерах.

Мы находим там души, которые в определенное время между смертью и новым рождением проходят поистине тяжелые жизненные испытания. Прежде всего, видящий в духе получает впечатление, что эти души, определенные категории душ, в духовном мире стали слугами ужасных духовных существ, что своим образом жизни до смерти они сами присудили себя к этой работе и теперь находятся в услужении самых ужасных духов. Видящий в духе постепенно вырабатывает понимание трудной судьбы этих душ. Сначала он более интимно задумывается о том, как живет человек в физической жизни от рождения до смерти — это часто представлялось в наших духовнонаучных лекциях, — о том, как наступает так называемая закономерная или естественная смерть, когда в старости истощаются жизненные силы человека. О такой смерти мы здесь говорить не будем. Но бывает и другой род смерти. Иногда смерть похищает человека в расцвете лет из-за несчастного случая или болезни. Не все мы умираем тогда, когда исполнилась мера нашей жизни. Люди умирают в любом возрасте, и нужно спросить себя: какие силы вызывают смерть в различных возрастах? Откуда они действуют? Ясно, что человек, когда мера его жизни исполнилась, должен умереть. Мы уже видели, что причина этого кроется в духовных мирах. Вообще все, что совершается в физическом мире, происходит под влиянием духовных миров. И смерть, наступающая не вовремя, обусловлена влиянием духовного мира, то есть она готовится силами и существами духовного мира.

В физическом мире, куда мы должны направить свой взор, чтобы понять время между смертью и новым рождением, мы замечаем еще кое-что. Хорошо известно, что с древних времен физический мир подвержен болезням и эпидемиям. Вспомним хотя бы опустошительные походы чумы, холеры и т. д. среди древних европейских народов. В настоящее время в каком-то смысле наша участь немного лучше. Но некоторые эпидемии, как уже указывалось в наших лекциях, готовятся уже сейчас. Итак, мы встречаемся со смертью, приходящей на Землю не вовремя, перед нами проходят охватившие Землю болезни и эпидемии. А ясновидящий видит души, живущие между смертью и новым рождением, которые помогают духам, несущим из сверхчувственного мира в чувственный мир силы болезней, заразы и несвоевременной смерти. Ужасное впечатление производят на восприятие ясновидящего эти человеческие души, ставшие слугами злых духов болезни и смерти в определенное время их жизни между смертью и новым рождением, души, которые сами обрели себя на службу злым духам болезни и смерти.

Если проследить жизнь таких людей вплоть до момента, когда они перешли через врата смерти, то можно убедиться, что они сами подготовили себе вышеуказанную судьбу, что в своей жизни на физическом плане они страдали недостатком чувства ответственности, отсутствием добросовестности. Это определенный закон, и ясновидящий видит, как люди, прошедшие врата смерти и предрасположенные в своей душе к безответственности, не внимавшие голосу совести, на известное время

между смертью и новым рождением становятся слугами существ, несущих в физически-чувственный мир эпидемии, болезни и несвоевременную смерть. Таково для этих душ естественное следствие, о котором нельзя сказать — как о кристаллизации или столкновении двух упругих шаров и т. д., — что это не зависит ни от какого морального закона, напротив, на примере этих душ мы видим, как в высших мирах переплетаются моральный мировой порядок и природная закономерность. Явления высших миров зависят от существ, поступающих так или иначе согласно своему моральному укладу в мире.

Приведем другой пример. Обратим наше внимание на то, чему учится видящий в духе, обращая свой взгляд на такое часто встречающееся среди людей свойство, как стремление к удобству, поиск благополучия. Поиск благополучия и удобства поистине более распространенное свойство, чем обычно полагают. Люди ищут удобства в мышлении, во внешних поступках и делах. В угоду своему удобству они совершают гораздо больше, чем предполагают. Особенно это проявляется тогда, когда им надо что-нибудь изменить в своем мышлении, в делах и поведении. Если бы в глубине своей души они не ценили бы так удобство, то не противились бы тогда, когда им требуется просто переучиться в том или ином деле. Они сопротивляются потому, что им неудобно переучить то или иное. Когда долго полагали, что Земля неподвижна, а Солнце и звездное небо вращаются вокруг нее, было неудобно услышать о движении Земли от Коперника и учиться заново считать иначе! Как неудобно — хотя бы и теоретически — ощущать, как почва уходит из-под ног. И все, что некогда восставало против новых мыслей, — исходило из удобства мышления, из желания благополучия, ибо всякое переучивание неудобно. В жизни широко распространена эта «добродетель» удобства и благополучия — естественно, совсем добродетелью не являющаяся. В последнее время можно заметить чрезмерное распространение этого желания удобства среди людей. Можно пояснить это на следующих примерах.

Существует множество экономических теорий. Я не буду сейчас останавливаться на них. Но одна такая экономическая теория, впрочем уже давно оставленная и сыгравшая некогда большую роль, построена на том, что все люди ищут, по сути, свободной конкуренции в обмене товаров и т. д. и что наилучший способ социальной жизни заключается в совершенно свободной конкуренции. Потом появились новые социалистические теории. В последнее время экономисты заметили, что все эти теории страдают, в сущности, очень большой односторонностью. Так как и обмен товаров, и совместная социальная жизнь — все это, по сути, подчинено не закону конкуренции или закону преуспевания, и даже не закону сознательного эгоизма, а закону удобства! Итак, даже в экономике можно наблюдать действие закона удобства. Надо признать, что даже в этой области чрезвычайно разумно обращать внимание на то, что там существует, а что можно проглядеть, если зарыться от жизни головой в песок подобно страусу.

Желание удобства есть всеобщее, широко распространенное свойство людей. И если проследить за подпавшими этому свойству душами в их существовании после смерти, то видно, как это искание удобства продолжается и после смерти и как человек изживает его, на определенное время между смертью и новым рождением становясь слугой бога или богов сопротивления, тех богов, что сопротивляются духовному развитию. Эти духи подчинены Ариману. У Аримана много забот, и одна из них состоит в том, чтобы из духовных миров направить в физический мир силы, вызывающие препятствия в физической жизни. Итак, с одной стороны, люди ищут удобства, но с другой — их жизнь показывает, что, поступая так, они непременно столкнутся с общим мировым законом. Препятствия есть повсюду, хотя, может быть, и не в такой гротескной форме, как однажды описал их один немецкий писатель и эстет. Но они встречаются везде и в крайне трагической форме. Один немецкий писатель описал их как так называемые «козни объекта». Такие «козни объекта» проявляются, например, когда проповедник с кафедры готов обрушить на голову паствы чрезвычайно длинную тираду, но на нос ему внезапно садится муха, и — вот они «козни объекта» — он начинает ужасно чихать. На самом деле лишь немногие люди, несчастливые в этом отношении, настигаются этими «кознями объекта» на каждом шагу. *Фридрих Теодор Фишер*¹ написал роман о том, как можно постоянно подвергаться этим «козням объекта».

Однако в действительности такие вещи поднимаются от гротескных до

трагических форм. Все препятствия исходят из духовного мира, и повелевает ими Ариман. Души, любившие удобства при жизни, в период между смертью и новым рождением на определенное время становятся слугами Аримана. Нет ничего ужаснее, чем видеть наказание за «удобную» жизнь, когда души угнетаемы духами болезни и смерти. На этом примере понятно, как перемешиваются друг с другом мораль и природная закономерность, едва лишь мы поднимаемся в высшие миры.

Таковы переживания человека, если он дошел до того момента, который был описан в предыдущей лекции вчера. Все это нужно пройти для того, чтобы суметь потом пережить другие необходимые отношения (эту неизбежность определенных отношений мы рассмотрим далее) при дальнейшем восхождении в духовном мире. Путь в высшие миры не таков, что можно сказать: «Сегодня ты начинаешь свой подъем в высшие миры, а затем идешь по его ступеням все выше и выше». Нет, для того, кто хочет стать посвященным, это происходит внешне совсем незаметно среди дел и событий внешней жизни. И если человек отчасти уже поднялся в высшие миры, то, возвращаясь, он переносит в физический мир часть переживаний духовного мира. Если человек стал посвященным, он видит в себе иные чувства и ощущения, чем те, которыми обладает в физическом мире человек, не будучи ясновидящим.

Нужно только позаботиться о тренировке, о правильном методе упражнений, чтобы в обычной жизни не впасть в заблуждение при перемене своих ощущений и чувств. Нужно учиться быть ясновидящим только для высших миров, не внося в обычный физический мир душевное настроение, характер переживаний, необходимые в высших мирах. Этого никоим образом делать нельзя. Став ясновидящим, нужно остаться в физическом мире совершенно разумным человеком, как и все другие. Поэтому для образования в себе ясновидящей сущности наименее пригодны люди, заранее предрасположенные к мечтательности. Восторженные абстрактные идеалисты, которые, так сказать, уже в физическом мире переживают то, что имеет свои права лишь в мире духовном, словом, люди, которые уже в физическом мире слышат, «как растет трава», которые мечтательно воображают везде то, что не воспримет трезвая, опирающаяся на реальность природа человека. Люди, которые легко впадают в разные заблуждения (людей такого рода гораздо больше, чем принято думать), не годятся для образования ясновидения. Люди, твердо стоящие в действительности, люди, много понимающие в ней, которые судят о вещах так, каковы они есть, — такие люди для образования ясновидения подходят лучше всего. Свои чувства и ощущения, необходимые в физическом мире, нельзя вводить в заблуждение тем, что приобретается в высших мирах.

Итак, если человек стал ясновидящим, то у него остаются совершенно определенные чувства и ощущения. В известной мере человек для физического мира становится иным. Но, чтобы это не повредило ему, теперь эти новые чувства и ощущения ему до определенной степени нужно приспособить к вещам физического мира, которые раньше не принимались во внимание, на которые раньше не обращалось внимание. И тогда, став ясновидящим и развив в себе известные чувства и ощущения, найдешь, что постепенно изменилось отношение к природе, не в плохом, а в хорошем смысле. Чувствуешь себя иным по отношению к миру растений, к расстилающемуся растительному покрову Земли. Прежде растения просто восхищали нас своей зеленью, цветами и красотой, восхищали всем, что преподносит растительный мир, произрастая из Земли и радуя глаз, а может быть, также и другие чувства. Представим себе отнюдь не чуждого всему этому человека, такого, кто поистине вполне может наслаждаться всем, что дает душе красота растительного покрова Земли; не надо думать, что кто-нибудь, став ясновидящим, лишится хотя бы крупницы чувств, возникавших в нем ранее при виде растительного покрова Земли. Но сейчас возникает в нем нечто иное. Когда теперь он видит растительный мир, то в нем возникает чувство известного сродства, тесного сродства растительного мира с тем, что в природе находится вне его, — с Солнцем, Луной и миром звезд. В его ощущении и созерцании земной растительный покров как бы срастается с тем, что находится во всей Вселенной.

Современный человек способен создать себе абстрактное представление того, что здесь подразумевается. В настоящее время каждый человек знает, если он хоть немного учился, что растительный покров Земли связан с действием солнечного света, что растения не могут расти без определенных воздействий солнечных лучей. Люди могут догадываться, что на растительный мир имеет влияние не только

Солнце, но и весь звездный мир. Здесь, конечно, люди могут впасть уже в невероятные предположения. Не так давно существовал один великий, значительный ум, который занимался влиянием Луны на погоду и вместе с тем на земную растительность с точки зрения естественных наук. Я подразумеваю здесь *Густава Теодора Фехнера*². Он пытался с точки зрения вполне эмпирических наблюдений, а не суеверий, установить, например, разницу в действии новолуния и полнолуния по отношению к дождю на Земле и т. д. Многие ученые мужи стремились продемонстрировать свой естественнонаучный склад ума, высмеивая Фехнера и его исследования воздействий Луны. Особенно громко делал это знаменитый ботаник Шлейден, считавший, что определено не от новолуния и полнолуния зависит, выпадает ли через каждые четырнадцать дней больше или меньше дождя. Тогда Фехнер (это было во времена более патриархальных отношений в обществе, чем наши) предложил: «Давайте разрешим это окольными путями, прибегнув к помощи женщин, так как ученые мужи слишком легко ссорятся». Поскольку это происходило во времена более патриархальных отношений, то обе женщины — г-жа Шлейден и г-жа Фехнер — всегда выставляли во дворе сосуды для сбора дождевой воды, чтобы потом использовать ее для стирки. Зная это, Фехнер и предложил, чтобы дамы разрешили вопрос о наибольшем количестве дождевой воды тем, что г-жа Шлейден выставляла бы свою посуду во двор всегда в новолуние, а его собственная жена, напротив, в полнолуние, и это укажет, в какое время дождевой влаги выпадает больше. И, смотрите, г-жа Шлейден совершенно не поддержала своего супруга в этом вопросе: ведь на ее долю приходилось совсем мало дождевой воды!

Так, можно сказать, с изрядной долей иронии было получено решение, которому мы теперь не желаем придавать никакого значения. Но позже окажется, что на растительном мире отражается все: солнечный свет и солнечное тепло, а также иные звездные влияния. Все это, конечно, лишь теоретическое знание, но видящий в духе получает непосредственное ощущение, как сплетается в своем влиянии на растения то, что исходит от Земли и то, что приходит от звездного пространства. Он рассматривает все, в конце концов, как нечто единое, как живое свершение чувствует он изливание солнечного света на земную растительность, а затем уменьшение его. Вместе с растениями он чувствует, как они лишаются солнечного света. Как сочувствуют ребенку, очень привязанному к матери, когда он лишается ее на некоторое время, так и видящий в духе сочувствует растениям, лишенным солнечного света. Это сопереживание с растительным миром Земли и есть то, что возникает перед «видящим», когда он достигает той точки, о которой говорилось вчера, и усваивает подобные ощущения, благодаря чему становится как бы «сочувствующим» в отношениях между Землей и ростом растений — и Солнцем и звездами.

И когда начинают ощущать это, то по возвращении из духовного мира в физический, находясь, например, перед спящим или бодрствующим человеком, становится возможным почувствовать еще и нечто другое. Даже не обладая даром ясновидения и наблюдая спящего человека лишь в физическом мире, можно почувствовать: что-то покинуло этого человека. Это же чувство можно испытать осенью, когда, например, солнечные лучи изменяют свое воздействие на растительность, отходят от нее. Природа, покинутая Солнцем и звездами, возбуждает чувство, схожее с тем, что рождается при виде человеческого тела, оставленного «я» и астральным телом. Но возникает своеобразное ощущение, что человек в этом отношении независим от физических воздействий неба, в то время как произрастание растений зависит от них.

Про растение мы знаем, что оно не может засыпать по произволу, исходя из своих внутренних отношений: оно должно ждать, пока солнце склонится к вечеру, или ожидать наступления осени. О человеке же мы знаем, что в наше время, и особенно в наших культурных условиях, он живет и вовсе не по Солнцу. Мы бы, например, не встретились сейчас с вами вместе, если бы, подобно растениям, следовали положению Солнца. У человека этот переход, который у растения еще строго подчинен движению Солнца и звезд, освободился от их хода. Хотя в сельской местности не только куры, но и люди до сих пор отходят ко сну и просыпаются в определенное время суток. В этом мы чувствуем такую же связь человека с ходом Солнца и звезд, что и у растений. Однако в ходе своего развития человек

эмансипировался от космического хода событий.

Переход, который у растения управляется положением Солнца и звезд, у человека в отношении его физического и эфирного тел происходит из его внутренних возможностей — я не хочу сказать этим, что он следует внутреннему произволу. Человек может предаваться «послеобеденному сну» по своему собственному внутреннему побуждению, то есть он может выходить из своих физического и эфирного тел, когда захочет. Растение не может «заснуть» после обеда, оно должно полностью согласовываться с ходом звезд. Но что представляет собой человек, когда во время сна его физическое и эфирное тела остаются лежать в постели, а его «я» и астральное тело находятся вовне? Его физическое и эфирное тела равносильны тогда растению, равноценны растению. Растение тоже обладает физическим и эфирным телами.

Обобщая изложенное, можно сказать, что растение передо мной постепенно срастается с солнечным и звездным миром, становится единым с ним. Итак, свое ощущение нужно направить с растения в звездный мир и на Солнце. Такое же ощущение нужно развивать в отношении спящего человека, который, находясь только в физическом и эфирном телах, равноценен таким образом растению. Необходимо направить свое ощущение на его астральное тело и «я», которые вне физического и эфирного тел совсем не зависят от положения Солнца, когда человек спит. Точно так, как физическое Солнце находится вне эфирного и физического тел растения.

Я изложил вам то, что переживает ясновидящий. Если теперь, имея эти ощущения, он по собственной воле достигает самостоятельности астрального тела и «я» от физического и эфирного тел, делает физическое и эфирное тела родом растения, произвольно выходя из них, — тогда его познанию открывается нечто совсем особое. Если бы Солнце, взирая вниз на растения, сопоставило бы себя с ними, то могло бы сказать: «Да, эти физические и эфирные тела растений принадлежат мне, ибо нуждаются в том, что я могу им послать». Как Солнце сказало бы это растению, растущему внизу, так и «я» человека может сказать физическому и эфирному телам: «Это принадлежит мне, как растение принадлежит Солнцу, ибо для физического и эфирного тел я являюсь Солнцем». Быть Солнцем для физического и эфирного тел — так в силу необходимости учится человек понимать свое «я»! И подобно тому, как учится говорить он о своем «я» по отношению к физическому и эфирному телам, как говорило бы растению Солнце, так же учится говорить он о своем астральном теле, как сказали бы растению Луна и планеты. Это совершенно особое мистериальное переживание, очень важное мистериальное переживание.

В таком виде, как я изложил это сейчас, мистериальное переживание как непосредственный опыт — как действительное переживание — сначала пестовалось в мистериях Заратустры, а затем через все мировое развитие достигло мистерий Святого Грааля. Это переживание всегда называли — особенно отчетливо происходило это во времена египетских мистерий, — когда человек духовным взором созерцал во сне Солнце в полночи и чувствовал себя соединенным воедино с силами Солнца так, как это было только что описано, это называли «видеть Солнце в полночь», выражая переживание солнечности в собственном «я» как солнечной силы, светящей на физическое и эфирное тела.

Теперь у нас есть третье понятие, общее всем мистериям мира. Нечто общее было присуще всем мистериям: «проникновение до границ смерти», «переживание элементарного мира» и теперь «созерцание Солнца в полночь». Это всего лишь техническое выражение, а соответствующее переживание возникает, как это было только что охарактеризовано. Надо уяснить себе, что в тот момент, когда чувствуешь себя настолько обособленным по отношению к эфирному и физическому телам, подобным Солнцу или звездам, тогда Солнце и звезды чувствуешь не только в их физической субстанциональности, но познаешь принадлежащих им духовных существ и миры. Нужно уяснить себе, что переживание Космоса есть переживание в духовных мирах.

Чтобы правильным образом дойти до высших миров, чтобы действительно иметь переживания, соответствующие духовным реальностям, важно и необходимо сперва пережить то, что делает духовный мир совершенно своеобразным и столь отличным от физического. А этому ясновидящий учится, изучая и наблюдая последствия удобства, последствия бессовестности и многое другое в жизни души между смертью

и новым рождением. Благодаря подобного рода наблюдениям ясновидящий может открывать свою душу для более существенных отношений, чем отношения физического плана. И тогда он впервые созревает для вживания в духовный Космос, для познания внутренней связи «я» и астрального тела с Космосом. Все прежнее теоретизирование является, в сущности, лишь игрой слов в сравнении с вышеописанным моментом, когда переживают, что человек в отношении высших членов своего существа принадлежит не только Земле, а сродни всему Космосу. Затем узнают, что каждый человек, засыпая вечером и выходя из физического и эфирного тел, срастается с силами, которые суть силы Космоса, ищет укрепления собственного существа из всего мира, и силы, собранные им от засыпания до пробуждения, он вносит, просыпаясь, в физический мир, дабы их там применять. Таким образом на определенной ступени сущности мистерий переживается связь с Космосом. Начиная с этого, мы продолжим наше дальнейшее рассмотрение завтра.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ *Берлин, 5 февраля 1913 года*

Если современный человек, человек нашего времени, проходит через оккультное обучение, приводящее его к переживаниям, указанным в двух первых лекциях, то он поднимается в духовные миры. Он действительно переживает в духовных мирах известные события и встречает определенных духовных существ. Употребленное вчера выражение «созерцание Солнца в полночь» является, в сущности говоря, выражением духовных фактов и встречи с духовными существами, связанными с бытием Солнца. Человек нашего временного цикла развития, вступая в высшие миры таким образом, переживает в духовных мирах многое и весьма значительное, но чувствует себя там покинутым, покинутым и одиноким. Свое переживание он мог бы выразить приблизительно так: «Многое, многое видишь ты здесь, но того, что, пройдя все это, наиболее жаждет твоя душа, ты теперь пережить не можешь». У всех существ, встречающихся при этом восхождении, хотелось бы спросить о неких тайнах, которых ты жаждешь. Чувствуешь именно это. Но все существа, открывающие человеку так много великого и могущественного, все эти существа остаются немymi и молчаливыми именно тогда, когда человек хотел бы узнать у них о тех тайнах, которые кажутся ему отныне наиважнейшими. Поэтому нужно сказать, что современный человек, поднявшись в высшие миры, болезненно ощущает, несмотря на все блистание и встречу с высокими существами, ужасную пустоту внутри себя. И если бы не наступало ничего иного, то при более длительном переживании этой пустоты, этого одиночества, этой покинутости в высших мирах, душой в конце концов овладело бы отчаяние.

Но тогда, если восхождение отвечало истинным правилам посвящения, наступает обыкновенно нечто, что может в этот момент уберечь, защитить от этого отчаянья, но не надолго. Душу охватывает как бы некое воспоминание, своего рода взгляд назад в далекое прошлое, чтение в Акаша-хронике давно прошедших событий. Эти переживания можно лишь весьма приблизительно облечь в слова, сказав примерно так: «Когда современный человек поднимается в высшие миры, его охватывают отчаяние и покинутость. Но он обнаруживает там образы определенных событий, давно прошедших событий о том, что в прошедшие времена другие люди поднимались в те миры, куда ты хочешь подняться сейчас. И из всего, что ты видишь теперь, как бы вспоминая, ты можешь, пожалуй, познать, что твоя собственная душа в прежних воплощениях была причастна тому, что переживали эти люди, поднимавшиеся тогда в высшие миры». Может оказаться даже, что в созерцании давно прошедших времен душа современного человека видит в качестве своих собственных переживаний то, что было пережито в давно прошедшие времена. Тогда, в давно прошедшие времена, душа принадлежала бы посвященному. В ином случае она лишь будет знать, что была связана с теми, кто, как посвященные, поднимались в высшие миры в те времена. Она чувствует себя одинокой и покинутой, меж тем как прежде посвященные души не чувствовали себя одинокими и покинутыми в этих мирах, но, напротив, ощущали там блаженство, глубочайшее блаженство. Это происходило оттого, что (как мы узнаем дальше) в те давние времена души были устроены иначе и, благодаря иным задаткам, иначе переживали то, что видели в высших мирах. Что же, в сущности, переживалось?

Душе открывались существа высших миров, действующие на чувственно-физический мир из сверхчувственного. Душа видит существ, стоящих за нашим чувственным миром, видит там отношения, уже описанные вчера. Об этом можно сказать примерно так: «Находясь в высших мирах, ты как бы смотришь вниз в чувственный мир. Чувствуешь себя почти соединенным с духами, прошедшими сквозь врата смерти, и вместе с ними смотришь вниз на то, как они используют известные силы, чтобы прийти вновь к физическому бытию. Смотришь вниз и видишь, как из сверхчувственных миров посылаются вниз силы, чтобы вызывать события в различных царствах природы в чувственном мире. Видишь весь поток фактов, которые сверху, из высших миров, направляются вниз в чувственный мир. Пребывая в высших мирах вне своего физического и эфирного тел, смотришь на них вниз и видишь силы в Космосе, во всей духовной Вселенной, которые работают над физическим и эфирным телами человека. И благодаря тому, что совершают существа, в среду которых ты вступил, учишься понимать, как внутри физического мира возникают физическое и эфирное тела. Учишься познавать это достаточно точно. Учишься познавать, как определенные существа, например связанные с Солнцем, действуют вниз на мир Земли и работают над созданием физического и эфирного тел человека, а также существа, связанные с бытием Луны, действуют вниз из Космоса, чтобы также принимать участие в формировании физического и эфирного тел человека».

Но затем наступает великая тоска, которая у современного человека становится огромной. Это тоска по знанию о том, как возникли, как родились из Космоса астральное тело человека и его «я». Ибо можно точно увидеть, как возникли из сил Космоса физическое и эфирное тела, но все, что относится к возникновению «я» и астрального тела человека, остается от него скрытым. Глубочайшим мраком и тайной покрыто для него все, что относится к астральному телу человека и «я». Возникает чувство: «От твоего духовного видения теперь скрыто то, чем ты являешься в своей внутренней сущности, то, чем ты являешься сам, а то, чем ты одеваешься, когда живешь в физическом мире, раскрывается тебе вполне!»

Современный человек, поднимаясь описанным образом в высшие миры, переживает то, что было указано. Это испытывали также и души, восходившие в высшие миры в древности, но только современные люди чувствуют великую тоску, о которой сейчас говорилось; души прошлого не чувствовали этой тоски, ибо у них еще не было потребности созерцать свою наиглубочайшую сущность, поскольку они были склонны ощущать величайшее удовлетворение, когда воспринимали, как существа, до которых они поднялись, работали над построением физического и эфирного тел. Души прошлого при посвящении находили величайшее удовлетворение в том, что созерцали изливание с Солнца духовно-сущностного, создающего физическое и эфирное тела.

Можно еще добавить следующее. В те древние времена работа этих существ представлялась иначе, и созерцание их деятельности приносило удовлетворение. Теперь же, в наше время, видя эту работу, человек говорит себе: «К чему такое основательное построение физического и эфирного тел, если нельзя понять, что скрывают они в себе?» Такова разница между современным человеком и человеком прошлого. И та эпоха, которая в прошлом была наиболее связана с этими переживаниями, — это эпоха, когда посвящал и вводил в высшие миры своих учеников Заратустра. Если бы теперь учеников вводили в высшие миры тем же способом, как делал это Заратустра, то они почувствовали бы ту же пустоту и покинутость, как было описано. Тогда, во времена Заратустры, посвящаемые ощущали работу Ахура-Маздао над физическим и эфирным телами и в раскрытии этих удивительных тайн испытывали блаженство и удовлетворение. Они чувствовали внутреннее потрясение, когда видели, как возникает то, что должно стать оболочками человека, чтобы он смог исполнить свою земную миссию. И это давало им удовлетворение.

Таково было посвящение Заратустры. В посвящении Заратустры можно было видеть «Солнце в полночь». То есть они видели не физический облик Солнца, а духовных существ, связанных с солнечным бытием, могли видеть исходящие от Солнца силы, действующие в физическом теле, могли видеть, как эти приходящие от Солнца силы образуют человеческую голову и формируют различные части человеческого мозга. Ибо нелепо верить, что столь чудесное строение, как человеческий мозг, могло возникнуть из одних земных сил. В нем должны были

действовать солнечные силы. Они различным образом сводили вместе различные доли мозга, расположенные над человеческим лицом. И не одно, а целый ряд существ трудились над построением человеческого мозга. «Амшаспанды»³ — так называл их Заратустра своим ученикам. Они возбуждали космические силы для того, чтобы могла возникнуть структура человеческого мозга, а также верхние нервы спинного мозга за исключением 28 нижних пар нервов. Затем Заратустра указывал на то, как от существ, связанных с Луной, исходят другие потоки, показывал, как поистине чудесно устроено мироздание, как от 28 существ «Изд» исходят потоки, возводящие спинной мозг с 28 нижними нервными стволами. Так физическое и эфирное тела были созданы из потоков, исходящих от мировых существ.

Столь величественные впечатления переживали посвященные Заратустры. И, ощущая эти впечатления как выражение работы Ахура-Маздао, они испытывали внутреннее блаженство от того, что происходит в мире. Современный же человек, если бы он таким образом вживался в высшие миры, испытал бы, разумеется, восторг и сначала мог бы ощущать и блаженство. Но затем постепенно у него возникло бы ощущение, которое можно облечь такими словами: «Зачем все это? Я ничего не знаю о той сущности, которая идет от воплощения к воплощению! Я знаю только о тех существах, которые в каждой новой инкарнации заняты построением оболочек с помощью сил Космоса, но ведь речь идет всего лишь об «оболочках»!» Сущность посвящения Заратустры заключалась именно в том, чтобы раскрыть перед посвящаемым связь земного человека с солнечным бытием. Для эпохи Заратустры характерно то, что люди в свое оккультное знание могли воспринимать только что очерченные тайны.

Иначе вживались в высшие миры души, принявшие посвящение Гермеса в Древнем Египте. Обо всем этом мы уже говорили, но в этих лекциях следует рассмотреть это несколько подробнее, чем прежде. Когда в Древнем Египте душа при посвящении Гермеса поднималась в высшие миры, тогда, без сомнения, происходило то, что всегда должно наступать при посвящении: эти души чувствовали себя вне физического и эфирного тел. Они знали, что находятся теперь в мире духовных фактов и духовных существ. Тогда этим душам показывали обширные области вокруг, руководя их созерцанием. Им показывали отдельных существ, отдельные факты, как это может быть доступно и современной душе. Но не следует представлять себе, что там расхаживают на физических ногах, нет, все это проходило в видениях, человека знакомили с обширными областями Вселенной в его созерцании. Так происходило это посвящение.

Затем в переживаниях посвящаемого наступал момент, когда человек чувствовал себя как бы дошедшим до конца, подобно тому как, странствуя по стране, со всех сторон омываемой морем, вы оказались бы на «берегу». Это было самой крайней точкой, до которой можно было дойти. Тогда в египетском посвящении переживали то, что можно облечь словами: «Когда в твоём созерцании тебя проводили по областям Вселенной, по далям миров, ты познакомился с существами и силами, о которых можно сказать, что они работают над твоими физическим и эфирным телами. Но теперь ты вступаешь в Свята Святых. Сейчас ты вступаешь в ту область, где чувствуешь себя соединенным с теми сущностями, которые работают в тебе над тем, что идет из одного воплощения в другое, над твоим астральным телом». Переживание данного момента было весьма значительным, ибо после его наступления все вещи в известной степени изменяются.

У посвящаемого, к примеру, на ближайшее время исчезала одна возможность. В том мире, в который вступают на берегах вселенского бытия, прекращается всякая возможность применить силу своего суждения, свою прежнюю способность мыслить, свои прежние способности размышлять. И если ты не сможешь избавиться от силы земного, физического суждения, если не можешь обходиться безо всего, что руководило тобой до сих пор, то не сможешь почувствовать себя на «берегах бытия» соединенным, единым с тем существом, которое работает, когда духовно-душевный человек приближается к рождению в новом воплощении, когда он ищет себе семью, народ и чету родителей, чтобы облечь себя, как душевно-духовного человека, новой оболочкой.

Все ранее знакомые существа, до сих пор объяснявшие, как возникли и образовались из Космоса физические и эфирные оболочки, все эти существа не в состоянии объяснить, какие силы действуют в той сущности, с которой человек

чувствует себя теперь связанным и которая создает, строит и тклет глубочайшую астральную сущность самого человека. Становится совершенно очевидно, — и для египетской души, проходившей через посвящение Гермеса, становилось также очевидным, — что, покинув свою оболочку и пройдя через так называемое «вселенское бытие», душа чувствует себя связанной с некоторым существом. Душа может почувствовать свойства этого существа, но так, как будто она сама находится внутри этих свойств, внутри этого существа. И она может знать: «Вот это существо, вот оно в своей реальности: и в то же время ты находишься внутри этого существа». Первое впечатление, получаемое от этого существа, выражается в словах, обращенных к самому себе: «В этом существе покоятся те силы, которые проводят душу из одного воплощения в другое, покоятся также те силы, которые озаряют душу между смертью и новым рождением. Все это находится в нем. Но, когда навстречу тебе подобно духовному мировому теплу веет та сила, которая ведет душу от смерти к новому рождению, когда тебя пронизывает как бы духовный свет, который озаряет душу между смертью и новым рождением, и когда ты чувствуешь, как это тепло и этот свет струятся от существа, с которым ты соединен, ты находишься в совсем особом положении. Ты должен был испить как бы напиток Леты, должен забыть свое искусство понимания, которое раньше вело тебя сквозь физически-чувственный мир, должен отказаться от своей прежней силы суждения, от своего интеллекта, которые здесь вводят тебя лишь в заблуждение, а нового ты еще не приобрел. Чувствуя мировое тепло, ведущее душу к новому рождению, ты находишься в море сил, озаряющих душу от смерти до нового рождения. Итак, ты чувствуешь силу и свет, исходящие от этого существа. Ты смотришь на это существо и как будто не можешь удержаться от вопроса: «Кто ты?», ибо только ты можешь сказать мне, кто ты, и только тогда я могу узнать, как глубочайшее существо человека переносит меня к новому рождению. И только если ты мне это скажешь, я смогу узнать, чем является мое внутреннее человеческое существо!» Но немым и безмолвным остается это существо, с которым ты сознаешь себя столь связанным. Чувствуешь, что в нем лежит самое глубокое, что связано с глубочайшим в тебе. Возникает стремление к самопознанию и знанию того, кем ты являешься, но немым и безмолвным остается это существо.

И нужно сначала некоторое время простоять перед лицом этого немого безмолвного существа и ощутить глубокую тоску по разрешению мировой загадки новым способом: нужно довольно долго чувствовать тоску по решению мировой загадки тем способом, которым она никогда не может быть решена на физической Земле. Нужно принести в этот мир, к этому существу — как свою собственную силу — глубокую тоску по поиску решения этой мировой загадки столь чуждым для физического бытия путем, и душа должна полностью отдаться этой тоске и жить в страстном стремлении разрешить мировую загадку этим способом. И тогда, почувствовав себя соединенным с этим немым безмолвным духовным существом, пребывая в нем с уже описанной тоской по решению мировой загадки, ты чувствуешь, как сила твоей собственной тоски устремляется в это духовное существо, с которым ты соединен. И благодаря тому, что сила твоего собственного стремления к разрешению загадки изливается в существо этого духовного образа, через некоторое время оно рождает из себя нечто, что исходит из него как другое существо. Но это, конечно, не подобно какому-либо земному рождению. С помощью созерцания можно понять, что это не является земным рождением. Нет, земное рождение возникает во времени, оно появляется во времени. О том же, что видишь теперь, о том, что рождает из себя описанное существо, — об этом знаешь: это рождается от него с прадревних времен, всегда — и это рождение длится с древнейших времен до настоящего времени. Только до сих пор это рождение, становление рождения одного существа от другого ускользало от взгляда, оставалось невидимым и недоступным для нашего взгляда. Это становление рождения состоит в том, что оно, в сущности, происходит всегда, но становится видимым только душе, подготовленной к этому своим стремлением к разрешению загадки. Теперь оно становится видимым, становится восприятием в духовном мире. Зная об этом, не говорят: «Теперь рождается существо», но говорят: «Из существа, с которым ты соединился, с древнейших времен, всегда, рождалось существо, только теперь это рождение существа, это становление рождения и само рожденное существо ты можешь воспринимать».

Сейчас я описал вам, насколько это возможно словами нашего языка,

посвящение Гермеса, к которому вел своих учеников египетский инициатор, и те ощущения, которые я только что охарактеризовал, — можно сказать, весьма отрывочно, ибо эти вещи содержат в себе так много, что словами нашего языка их можно выразить лишь отрывочно, можно сказать, в лепете, — эти ощущения были переживаниями так называемого египетского посвящения Изиды. Тот, кто проходил через него, стоя у «берегов вселенского бытия» и созерцая существ, которые, к примеру, организовывали, образовывали физическое и эфирное тела, стоя перед безмолвной богиней, от которой в глубочайшее существо человеческой души исходили свет и тепло, говорил себе: «Это — Изида. Это — немая безмолвная богиня, лик которой не может быть открыт тому, кто смотрит на него лишь смертными глазами. Он может быть открыт только тому, кто в своей работе достиг «берегов Вселенной», дабы быть в состоянии смотреть теми глазами, которые переходят из воплощения в воплощение и которые уже не смертны. Ибо от смертных глаз облик Изиды скрыт непроницаемым покровом».

И когда посвящаемый таким образом созерцал Изиду и переживал это в своей душе, он внимал тому, что обрисовано как рождение. Чем же являлось это «рождение»? Он воспринимал его как звучание во всех пространствах музыки сфер, как встречу звуков музыки сфер с тем, что называется Мировым Словом, с созидающим Мировым Словом, пронизывающим все пространства и вливающим во все сущее то, что должно быть излито в существ, подобно тому как в физическое и эфирное тела вливается душа, когда она прошла через жизнь между смертью и новым рождением. Все, что из духовного мира должно быть излито во внешний физический мир так, чтобы излитое стало внутренним, душевным — все это изливается от звучащей в пространстве, пронизанном тонами, гармонии сфер, которая постепенно принимает такую форму, что может восприниматься — выражая всю внутреннюю значительность этого — как Мировое Слово, одушевляющее существ, которые оживлены силами тепла и света и которые вливаются в те тела, что исходят из божественных сил и существ, которые были доступны предыдущему созерцанию.

Так всматривались в мир гармонии сфер, в мир Мирового Слова, всматривались в мир, который является собственной родиной человеческой души в то время, когда эта душа живет между смертью и своим новым рождением. То, что глубоко скрыто в физическом земном бытии человека, но что между смертью и новым рождением живет в отблеске тепла и света, то, что глубоко сокрыто в физическом мире, как мир тонов гармонии сфер и Мирового Слова, — все это переживалось в посвящении Гермеса как рождаемое от Изиды. И тогда она стоит перед посвящаемым, с одной стороны, как самостоятельное существо, а с другой — как родившая для него другое существо, выражающее собой мировые тона и Мировое Слово. Душа чувствовала себя соединенной с Изидой и с рожденным от нее Мировым Словом. И это Мировое Слово — есть прежде всего явление Озириса. Так выступали в непосредственном созерцании «Озирис вместе с Изидой». В древнейших египетских мистериях о них говорили, что Озирис был сыном и в то же время супругом Изиды. Именно так и ощущали: он был сыном и супругом Изиды. В древних египетских посвящениях это было важнейшим, ибо благодаря такой инициации посвящаемый познавал тайны душевного бытия, которое остается связанным с человеком даже тогда, когда он проходит через время между смертью и новым рождением. Посредством связи с Озирисом было возможно познать себя как человека в самом глубоком значении.

Египетский посвященный, встречая Мировое Слово и мировые тона, понимал через них свое собственное существо в духовном мире. Но это было в Древнем Египте до определенного момента, лишь до определенного времени. Потом это прекратилось. Существует большое различие — это подтверждается и опытом современного ясновидения, если взглянуть в древние времена, — итак, существует большое различие между тем, что переживал египетский посвященный в древнеегипетских храмах, и тем, что переживали в более поздние времена.

Запечатлеем же перед душой то, что переживал посвященный в более поздние времена. Через мировые дали пространства он мог быть приведен «к берегам бытия»: там он мог познать всех существ, строящих эфирное и физическое тела человека, и мог вступить на «берег бытия» и увидеть там безмолвную, немую Изиду, воспринять в ней тепло бытия, содержащее в себе силы, ведущие людей от смерти к новому рождению. Он мог познать также свет, который озаряет души между смертью и новым рождением; и в нем также возникало страстное стремление услышать

Мировое Слово и мировую гармонию. Тоска охватывала душу, когда она соединялась с молчаливой, немой богиней Изидой. Богиня оставалась немой и безмолвной. В позднейшие времена Озирис уже не мог родиться, мировая гармония не могла прозвучать, Мировое Слово не могло пояснить того, что робко являлось теперь как мировое тепло и мировой свет. И в душе посвящаемого возникало состояние, о котором он мог сказать: «Печально взираю я на тебя, богиня, мучимый жаждой знания и тоской по знанию, но ты остаешься для страждущей человеческой души, которая полна муки и которая не может понять себя самое и кажется себе погасшей, погасшей настолько, что она близка к потере своего бытия, — для этой человеческой души ты остаешься немой и безмолвной!» И печален был жест богини, выразивший, что она бессильна родить Мировое Слово и мировые звуки. Видя ее, познавали, что утрачена ее сила к рождению и к явлению рядом с собой Озириса, сына и супруга. Чувствовалось, что Озириса нет у Изиды.

Проходившие через это посвящение и возвращавшиеся снова в физический мир обладали серьезным, покорным, способным на жертву мировоззрением. Они знали ее, священную Изиду, но чувствовали себя как бы «сыновьями вдовы». Серьезным и покорным было мировоззрение «сыновей вдовы». Что пролегло между древним посвящением, когда в древних мистериях можно было пережить рождение Озириса, и тем, когда встречали лишь немую, безмолвную Изиду, печальную Изиду, и когда в египетских мистериях посвящаемый мог почувствовать себя лишь «сыном вдовы», что же это было за время, разделяющее два египетских посвящения? Это было время, когда жил Моисей. Ибо карма Египта исполнилась так, что Моисей был не только посвящен в тайны мистерий Египта, но унес их с собой. Выводя свой народ из Египта, он взял с собой ту часть египетского посвящения, которая к позднейшей печальной Изиде присоединяла посвящение Озириса. Так был совершен переход от египетской культуры к культуре Ветхого Завета. Да, Моисей унес с собой тайну Озириса, тайну Мирового Слова! И если бы он не оставил бессильную Изиду, то никогда не прозвучало бы для него то, что должно было прозвучать для него так, чтобы он понял это и передал своему народу великие, значительные слова: «Я есмь — Я есмь, *Ejeh asher ejeh*»⁴. Так тайна Египта была передана древнееврейскому народу и стала его тайной.

Мы попытались в этих словах, которыми лишь весьма приблизительно можно передать эти вещи, показать, какими были переживания посвящаемых в мистериях Заратустры и в египетских мистериях. Этого нельзя передать абстрактными словами потому, что дело идет о том, чтобы пройти эти переживания душой. И важно почувствовать, что происходило в душе позднейшего посвящаемого в Египте, важно почувствовать, как эта душа вживалась в высшие миры, как она встречала Изиду с печальным взглядом, Изиду со скорбным ликом. У нее был печальный взгляд и скорбный лик, поскольку она должна была смотреть на человеческую душу, наполненную страстным стремлением к познанию, жаждой знания духовных миров, которые нельзя было утолить.

Так и некоторые греческие посвященные ощущали еще это существо, которое египтяне считали позднейшей Изидой. Отсюда суровый тон греческого посвящения, когда оно выступает в своей серьезности. Ибо что ощущал посвящаемый? То, что раньше переживалось в сверхчувственных мирах, то, что наполняло смыслом сверхчувственные миры, когда они были пронизаны Мировым Словом и мировыми тонами, — всего этого больше не существовало... Опустевшими и покинутыми Мировым Словом являлись теперь сверхчувственные миры, в которые человек мог проникнуть путем древнего посвящения. В мистериях Заратустры он мог чувствовать себя еще удовлетворенным, когда в этих мирах ему встречались существа, о которых было сказано выше, он еще чувствовал себя удовлетворенным мировым светом, который ощущался им, как Ахура-Маздао. Он ощущал его мужским, солнечным; египтяне ощущали его женским, лунным. Посвященный мистерий Заратустры, находившийся на еще более высокой ступени, воспринимал также и Мировое Слово; он воспринимал его не так конкретно рождающимся от существа, подобного Изиде, но познавал его и знал гармонию сфер и Мировое Слово.

В позднейшее египетское время — это же относится и к остальным странам в конце египетской эпохи, — вступая в высшие миры, человек чувствовал себя подобно тому, как чувствует себя и современный человек, как было сказано в начале сегодняшней лекции. В высших мирах он видит существ, которые работают над

становлением физического и эфирного тел, и чувствует себя покинутым, чувствует себя одиноким, если не наступает ничего, кроме сказанного, ибо он страстно жаждет Мирового Слова и мировой гармонии, — но это Мировое Слово и мировая гармония не могут зазвучать. В наше время человек чувствует себя оставленным и одиноким. В позднейшее египетское время он чувствовал себя не только оставленным и одиноким, но, если он был тем, кого называли «сыном вдовы», «истинным сыном вдовы», когда человеческая душа пребывала в духовных мирах вне физического и эфирного тел, он чувствовал то, что можно облечь в слова: «Бог готовится покинуть миры, вступая в которые ты всегда чувствовал Мировое Слово. Бог стал бездейственным». И все больше и больше сгущалось это чувство в то, что можно назвать сверхчувственным эквивалентом того, что в чувственном мире встречается человеку как умирание, когда, видя умирающего человека здесь, мы знаем, что он оставляет физический мир. И когда в более позднее египетское время посвященный поднимался в духовные миры, то становился свидетелем медленного умирания бога. Подобно тому как чувствуют себя рядом с человеком, уходящим в духовные миры, так же посвященный позднего египетского времени чувствовал, как бог прощается с духовным миром, дабы перейти в другой мир. Самое удивительное и значительное в позднейшем египетском посвящении было то, что в духовные миры поднимались не для наслаждения и блаженства, а для того, чтобы принять участие в постепенном угасании, умирании бога, который пребывал в этих высших мирах как мировой тон и Мировое Слово.

Из этого настроения постепенно сложился миф об Озирисе, отнятом у Изида, унесенном в Азию и оплакиваемом Изидой.

Эта лекция привела нас на берег того потока, который делит все развитие человечества на две части. Направление развития человечества привело нас на этот берег. Мы стоим на берегу и припоминаем в этот момент настроение позднейшего египетского посвящения, «сына вдовы», принимающего посвящение для того, чтобы пережить печаль и покорность. Теперь в ладье духовной науки нам предстоит переплыть через реку, разделяющую два берега человеческого развития. В последней лекции мы увидим то, что находится на другом берегу, когда мы оттолкнем нашу ладью от того места, где мы испытали печаль по богу, умирающему в небесах, когда мы покинем эти места, чтобы отчалить и пристать к другому берегу реки. Когда мы ступим на другой берег с пережитым ранее воспоминанием об умирании бога в небесах, то увидим, что откроется нам на другой стороне потока, когда ладья духовной науки перенесет нас туда.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ *Берлин, 7 февраля 1913 года*

Позавчера мы говорили о переживаниях человеческой души в связи с принципами мистерий древности, восточных египетских мистерий. Тем самым мы подошли к последним этапам на пути посвящения. Мы указали четыре ступени, характерные для сущности всех мистерий: «приближение к границе смерти», «знакомство с жизнью в элементарном мире», «созерцание Солнца в полночь», «встреча с высшими и низшими богами». Ибо это и есть встреча с высшими и низшими богами, когда человек воспринимает, с одной стороны, те силы, которые господствуют над всем, что относится к человеческой телесности, которая как физическое и эфирное тела во сне остается внизу неподвижной. Здесь имеют дело с низшими богами в самом широком смысле этого слова. С другой стороны, приходится говорить о «высших богах», имея в виду силы, относящиеся к глубочайшему существу человека, то есть к тому, что проходит через различные воплощения: «я» человека и астральное тело. Третьего дня я описал вам переживания современного человека, познающего сущность мистерий, когда он вглядывается в Акаша-хронике в прошлые переживания человеческих душ в мистериях древних времен. И мы должны были указать на трагическое впечатление, получаемое душами посвящаемых в Египте по отношению к переменам в той мировой силе, которая внутри египетских мистерий носила имя Изида. У Изида — как это известно из мифа об Озирисе — победившим врагом был отнят супруг. Так Изида лишилась того, кого мы называем Озирис. Мы знакомы также с последствиями этого события в жизни Изида, изменившими жизнь в высших мирах. Душа, поднявшись в духовные миры в более поздние египетские времена, принимала

участие в постепенном умирании для высших миров того бога, который нисходил в область Земли: Озириса. Так ощущали это.

Чрезвычайно трудно говорить в представлениях и понятиях о дальнейшем развитии этой, в известном смысле, «участи бога». Но так как мы уже привыкли в отношении интимнейших вещей высших миров, там, где представления и понятия нашего, уже столь профанированного языка оказываются недостаточными, прибегать к образам, то пусть лейтмотив наших сегодняшних рассматриваний будет выражен в одном образе, который вы без сомнения поймете.

Мы переносимся в трагическое настроение посвящаемого египетской эпохи, переносимся во времена того настроения, когда, выражая свои переживания, он должен был сказать себе: «С давних времен, восходя в духовные миры, я находил там Озириса, пронизывающего мировые дали своим творческим словом и разумом, что представляло основные силы всякого бытия и становления. Немым и безмолвным стало все это. Бог, называемый Озирисом, покинул эти области, должен был уйти в другую область, он спустился в область Земли, чтобы войти в души людей». Возвещаемый прежде для человеческих душ духовно, теперь он впервые явился в физической жизни, когда Моисей услышал в физическом мире его голос, который прежде можно было услышать только в духовных мирах: «Ejeh asher ejeh! — Я есмь Я есмь, Тот, Который был, есть и будет». И тогда переживание этой сущности, которая как творческое Слово постепенно исчезала из переживаний посвящаемого в духовных мирах, перешло в область Земли, чтобы мало-помалу ожить там в душах земных людей и через это возрождение привести ко все возрастающей славе развитие Земли — вплоть до конца земного развития.

Попробуем в одном живом образе представить настроение такого посвящаемого, который чувствовал, как из доступных ему духовных областей исчезало творческое Слово, погружаясь в область Земли, скрываясь от духовного взгляда. Проследим развитие Земли, в котором это творческое Слово проходит перед духовным взором подобно реке, текущей сначала по поверхности и затем уходящей на определенное время под землю, чтобы впоследствии снова выйти наверх в другом месте. И Оно вышло вновь, выступило то, что постепенно скрывалось от находившихся в трагическом настроении душ посвящаемых в поздние египетские мистерии. Оно появилось вновь, и в более поздние времена Его снова могли увидеть те, кто мог принимать участие в жизни мистерий. И они должны были перевести свое созерцание в образ того, что опять восходило, но уже принадлежало земному развитию.

Как же восходило то, что зашло, погрузилось некогда вниз в Древнем Египте? Оно восходило, становясь видимым в той Святой Чаше, которая называется «Святым Граалем», охраняемой рыцарями Святого Грааля. В восхождении Святого Грааля можно почувствовать то, что зашло, погрузилось некогда вниз в Древнем Египте. В этом восхождении Святого Грааля перед нами выступает христианское обновление сущности древних мистерий. Собственно говоря, в словах «Святой Грааль» и во всем, что с ним связано, заключается сущность восточных мистерий, появляющаяся на поверхности вновь.

Все, что выступает в определенный момент развития человечества с тем, чтобы вести его дальше, должно содержать в себе своего рода повторение прежнего. В каждой следующей эпохе прежние переживания человечества должны выступить в другой форме. Мы знаем, что в третьей послееатлантической культурной эпохе развития человечества принимала особое участие душа ощущающая, в четвертой, греко-латинской, культуре — главным образом душа рассудочная, или душа характера, а в той культурной эпохе, в которой мы живем сейчас, особенное развитие должна получить в человеке душа сознательная. Это важно также и для посвящаемого, так как преобладающие силы для посвящения в определенную эпоху он будет черпать из той части души, которая особенно важна в данную земную эпоху.

Так, египетское посвящение было связано с душой ощущающей, греко-латинское — с душой рассудочной, или душой характера, посвящение пятой послееатлантической культурной эпохи должно быть связано с душой сознательной. Но переживания посвящения, происходившего когда-то из сил души ощущающей, а также четвертого послееатлантического культурного периода, должны повториться и на заре пятой культурной эпохи. И только затем к этому, как нечто новое, присоединяются нужные здесь человеку поддерживающие силы души сознательной.

Сначала повторяется то, что требовалось в двух предыдущих эпохах культуры, и затем к этому должно присоединиться то новое, что особенно важно для души сознательной. Поэтому пятый послеатлантический культурный период, особенно там, где он несет в себе начало нового посвящения, должен иметь также особые учрежденные места, где для человека, для человеческой души повторяются тайны, излитые в человеческое развитие египетско-халдейской душой, и тайны того времени, которое мы называем четвертым послеатлантическим, или греко-латинской эпохой, когда свершилась Мистерия Голгофы. И к этому должно присоединиться новое.

Как в древние времена, так и в более новые то, что разыгрывалось в глубинах мистерий, выражается внешним образом в разнообразных легендах, более или менее выражающих тайны, в которых должна принять участие человеческая душа. Было необходимо, чтобы тайны египетско-халдейской эпохи выступили в некотором повторении перед душами пятого периода. Это были тайны, связанные с Космосом, с излучением сил Зодиака, главным образом тайны, относящиеся к взаимодействию Солнца, Луны и прохождению Солнца и Луны через зодиакальные знаки (я говорю о кажущихся передвижениях, ибо они достаточно характеризуют эти процессы для нас).

Но должна была существовать разница между тем, как эти тайны выступили для пятого периода культуры и тем, как они выступали в третьем культурном периоде. Ибо теперь все должно воздействовать на душу сознательную, на то, что составляет человеческую личность, на то, что определяет человеческую личность. Это совершилось особым образом благодаря тому, что инспирирующие силы, которые в третьем периоде культуры — когда души переносились в духовную область Космоса — были видимы душой и как бы излучались из мирового пространства на Землю, эти силы теперь, в пятом периоде культуры, инспирировали определенных людей. Таким образом, на заре пятой культурной эпохи были люди, которые путем определенных таинственных воздействий, свершившихся уже ранее, а не путем обучения, становились орудиями, носителями космических воздействий, исходящих от Солнца и Луны при их прохождении через знаки Зодиака. Тайны, открывавшиеся для человеческой души посредством этих людей, были повторением прежних переживаний души ощущающей. А люди, выражавшие собой прохождение космических сил по знакам Зодиака, зодиакального круга, назывались «рыцарями Круглого стола короля Артура».

Их было двенадцать, окруженных свитой других людей, но они были главными рыцарями. Другие представляли собой как бы звездное войско, в них вливались инспирации, более рассеянные в мировом пространстве. В двенадцать же рыцарей изливались инспирации, притекавшие с двенадцати сторон Зодиака. А инспирации, исходившие от духовных сил Солнца и Луны, были представлены королем Артуром и его супругой Гиневрой. Таким образом, в Круглом столе короля Артура перед нами выступает как бы вочеловечившийся Космос. От Круглого стола короля Артура исходило то, что можно назвать высокой воспитательной школой для души ощущающей на Западе. Поэтому нам рассказывается о том, — легенда в образах внешних фактов сообщает внутренние тайны, которые на заре этого периода происходили с человеческой душой, — рассказывается, как рыцари Круглого стола короля Артура странствуют по свету, убивая чудовищ и великанов. То, что дано здесь во внешних образах, указывает на усилия, совершаемые человеческой душой для очищения и просветления тех сил астрального тела, которые являлись ясновидящему в образах чудовищ, великанов и т. д. Все, что должна была пережить благодаря новой сущности мистерий душа ощущающая, было связано с представлением о Круглом столе короля Артура.

То, что должна была пережить в это более новое время на Западе душа рассудочная, также нашло для себя образ и было выражено в легенде о Святом Граале. Итак, повторение того, что произошло в эпоху Мистерии Голгофы, было сконцентрировано во всем, что струилось из тайн Святого Грааля. Отсюда на души, приобретающие понимание Святого Грааля, излучались те воздействия, которые могли развиваться в душе рассудочной или в душе характера, если правильно понимали свое время. Но и теперь, в современности, эти воздействия должны оказывать свое влияние на человеческую душу для того, чтобы она, проходя посвящение, могла постичь духовную сущность нашего времени. Многими, многими тайнами окружен Святой Грааль. Разумеется, сегодня могут быть сделаны лишь

совсем краткие указания на эти тайны, но это может послужить исходной точкой для дальнейших, более точных рассмотрений, которые со временем могут быть сделаны относительно тайн Святого Грааля. В Святом Граале, если понимали его сущность, заключалось все, что характеризовало собой тайны человеческой души в это более новое время.

Возьмем новейшего посвященного, когда он, освободившись своим «я» и астральным телом от физического и эфирного тел, выходил из них и созерцал их извне. Представим себе, что видел он в физическом и эфирном телах. Он видел то, что при недостаточно глубоком понимании могло дать повод к сильному беспокойству. Он видит это также и теперь. Он видел, что в его физическое и эфирное тела оказалось внедрено нечто, пронизывающее их в самых различных направлениях как бы потоками, как бы волокнами. Как нервные стволы пронизывают физическое тело, только гораздо тоньше их, так же и физическое тело пронизано тем, о чем оккультный взор свидетельствует, что это «поистине мертво». Человек несет в своем собственном теле некую мертвую субстанцию. То, что сейчас мертво, обречено быть мертвым во время всей жизни между рождением и смертью, но в эпоху человеческого развития на Востоке это было еще живым. Так приобретают опыт, что сегодня в человеческом теле мертво то, что некогда было живым. И затем исследуют, что именно представляет собой это бывшее прежде живым мертвое включение в человеческое тело. В данном случае «мертвое» нужно понимать относительно, оно хотя и оживляется своим окружением, но сами по себе эти потоки и течения в человеческом теле в противоположность живому имеют в себе постоянную предрасположенность к смерти. Исследуя, откуда это происходит, получаем следующее.

Некогда в древности души людей обладали определенным ясновидением, и еще в конце египетско-халдейской культуры это ясновидение существовало настолько, что человек взирал на звездное небо и перед ним простирались не просто физические звезды, но он еще видел духовных существ, связанных с этими звездами. В те времена человеческая душа, взирая во Вселенную во время некоего промежуточного состояния между сном и бодрствованием и видя духовное, получала иное впечатление, чем впечатления, получаемые человеческой душой теперь, когда она в современном духе изучает науку или вообще живет в обычном современном сознании. Но все души, живущие теперь, были воплощены также и в египетско-халдейскую эпоху. Все души, сидящие здесь сегодня, смотрели некогда из своих тел в звездное пространство, принимали участие в духовной жизни Вселенной и получали впечатления об этом. Это отложилось в человеческих душах и стало их составной частью. Все современные души некогда смотрели во Вселенную и получали духовные впечатления оттуда точно так же, как теперь они получают впечатления от красок и звуков. Это лежит в основе человеческих душ, и согласно этому построены их тела. Но души забыли об этом! Для современного сознания этого уже в душах нет. И то, что в душах соответствует тем древним впечатлениям, теперь уже не может в качестве созидательной силы строить человеческие тела, оставляя соответствующую часть физического и эфирного тел омертвелой. И если бы не наступило ничего другого, если бы люди продолжали жить, пользуясь науками, изучающими только внешне-физическое, то они неминуемо должны были бы все более и более разрушаться, ибо души забыли о прежних впечатлениях духовного мира, необходимых для оживления и возрождения физического и эфирного тел.

Это видит современный посвященный. И он может сказать себе: «Души жаждут оживить в физическом и эфирном телах нечто, что им приходится оставлять мертвым, ибо то, что они некогда усвоили, не проникает больше в современное сознание». Таково тревожное впечатление, получаемое посвященными теперь.

Итак, в человеке есть нечто, не подлежащее власти души. Я прошу принять эти слова чрезвычайно серьезно, ибо существо современного человека характеризуется именно тем, что в этом существе находится нечто, не подлежащее власти души, нечто, как бы мертвое по отношению к живому окружению человеческого организма. И, действуя на это мертвое, люциферические и ариманические силы оказывают на человека влияние совершенно особого рода. С одной стороны, человек может становиться все свободнее и свободнее, а с другой стороны, именно в то, что ушло из-под власти души, вторгаются люциферические и ариманические силы. По этой причине в наше время встречается столько натур, которые с полным правом говорят, что они чувствуют в себе присутствие как бы двух душ, живущих в их груди,

стремящихся отделиться друг от друга. Многие загадки современного человека, многое из его внутренних переживаний таится в том, что было сказано сейчас. И так называемый Святой Грааль был и есть не что иное, как то, что может заботиться о живой части души так, чтобы она стала господином над тем, что омертвело. И Монсальват, хранилище Святого Грааля, есть школа, где учатся тому, что нужно для живой части человеческой души. Тому, чему, естественно, не нужно было учиться в восточных и египетских мистериях, тому, что необходимо излить в оставшуюся живой частью человеческой души, дабы она стала господином ставшей мертвой части физического тела и ставшей бессознательной частью души. Поэтому средневековое мировоззрение видело в тайнах Грааля то, что относилось к повторению греко-латинской эпохи, к повторению переживаний души рассудочной, ибо именно в ней более всего коренится то, что стало забытым и мертвым. Поэтому тайны Грааля относились к пронизанию души рассудочной, души характера новой мудростью. Когда средневековый посвящаемый хотел дать образ того, чему он учился, дабы пронизать оставшуюся живой частью своей души новой мудростью, то указывал на замок Грааля, на то, как новая мудрость — ибо это и есть «Грааль» — исходит из этого замка. Если же он хотел указать на то, что было враждебно этой новой мудрости, то указывал на другую область, на ту область, где обитали существа и силы, стремившиеся завладеть омертвевшей частью человеческого тела и ставшей бессознательной частью человеческой души. Эта область, в которую «по праву» — это сказано в оккультном смысле — отнесены все потомки злых духовных существ древних времен, сохранявшие в себе худшие, а не лучшие силы (эти тоже сохранились) восточного волшебства, эта область, бывшая в этом смысле наиболее вредной и враждебной Граалю, была область, где находился замок Шатель Марвей (Chastelmarveille) — место сбора всего, что подкрадывается к тем областям тела и души человека, которые подпали вышеуказанной кармической судьбе. То, что сегодня более одухотворено, что перешло в ту мудрость, которая может быть привнесена повсюду, ибо мы стоим уже на переходе в шестую культуру, где эти вещи не будут более связаны с каким-то определенным местом, в то средневековое время (я указал на это также в моей книге «Духовное водительство человека и человечества»), еще были связаны с определенными местностями. В древние времена человек действительно в более или менее прямом смысле был связан с местностью, должен был, чтобы услышать определенное учение, уезжать в определенную местность, а в наше время, следует сказать, мудрость носит не столь местный характер, ибо мы живем на переходе от жизни во времени и пространстве к более духовным формам одного времени.

Замок Грааля указывали на Западе Европы, замок же, враждебный Граалю, географически указывали в другом месте: благодаря существующим там духовным силам человек, оказавшись в этом месте, мог получить большое, мощное, ясное впечатление о том, сколь велико было противоположное воздействие, испытав силы, сохранившиеся до настоящих времен, как последствие в Акаша-хронике вышеупомянутых противников Грааля. Ибо можно говорить о самых скверных силах, действовавших в том месте, отголоски которых заметны еще до сих пор. Некогда в этом месте практиковались, можно сказать, целиком вступающие в физическую жизнь злые искусства, сила воздействия которых направлялась на ставшую бессознательной частью человеческой души и на ставшую мертвой частью человеческой организации. Все это стягивается вокруг одного образа, предание о котором мерцает из глубины Средних веков, который был хорошо известен всякому, кто знаком с сущностью мистерий, вокруг той личности, которая реально существовала в середине Средневековья, — Клингзора, герцога Терр де Лабур (Terra de labur) — местности, которая географически находится в современной южной Калабрии. Оттуда исходили набеги врагов Грааля, в особенности на Сицилию. Подобно тому как теперь обладающий оккультным зрением, ступая на землю Сицилии, может видеть (об этом уже часто упоминалось) из Акаша-хроники воздействия великого Эмпедокла, находящиеся в атмосфере Сицилии, но также там можно еще и теперь воспринять негативные воздействия Клингзора, который из своего герцогства некогда связывался через морской пролив с врагами Грааля, засевшими в крепости, в оккультизме и в легенде известной под именем Калот-Бобот (*Kalot Bobot*)⁵.

Калот-Бобот в Сицилии в середине Средневековья была обителью той богини,

которую называют Иблис (Iblis), дочери Эблиса (Eblis). И среди всех злых союзов, заключенных в развитии Земли между существами, в чьих душах имелись оккультные силы, наисквернейшим признается оккультистами союз между Клингзором и Иблис, дочерью Эблиса. «Иблис» уже по имени родственна «Эблису». Так в магометанской традиции назывался тот образ, который мы обозначаем Люцифером. Некоторым женским аспектом Эблиса, магометанского Люцифера, была Иблис, с которой связал себя для своего злого искусства тот, кто в Средние века действовал против Грааля и кого называют злым волшебником Клингзором.

Однако эти вещи должны быть выражены в образах, соответствующих реальности, они не могут быть высказаны в абстрактных идеях. Вся вражда к Граалю развивалась из крепости Иблис Калот-Бобот, куда во время владычества Генриха IV спаслась бегством достопамятная королева Сибилла со своим сыном Вильгельмом в 1194 году. Все враждебные попытки против Грааля, а также то, из-за чего был ранен Амфортас, нужно отнести в конце концов к союзу, заключенному Клингзором с крепостью Иблис Калот-Бобот, и все, что проникло через Амфортаса в братство Грааля как горе и бедствие, выражается в этом союзе. Даже и теперь душа должна быть достаточно хорошо вооружена, если ей доведется находиться вблизи этой местности — отсюда могут исходить всевозможные враждебные влияния, связанные с тайнами Грааля и поступательным развитием о человечества.

Рассматривая таким образом эти вещи, мы имеем, с одной стороны, царство Грааля, а с другой — злое царство замка Шатель Марвей, где развивается все, исходящее от союза Клингзора с Иблис. И здесь удивительным образом драматически выражено то, что может и должен выдержать наиболее самостоятельный, глубочайший член души — душа рассудочная, или душа характера, — против нападения извне. Душа рассудочная в четвертом послеатлантическом культурном периоде еще не была столь внутренней, какой стала в пятом. Она стала отступать от жизни во внешнем мире, как это было в Греции и Риме, обратно внутрь человека, становясь самостоятельнее и свободнее. Но зато она стала гораздо более доступной нападению всех этих сил (по вышеприведенным причинам), чем в греко-латинское время. Изменения, произошедшие в душе рассудочной, или душе характера, выражаются в том, что так неопределенно и легендарно и так драматично стоит перед нами в противоположности, в противостоянии Монсальвата и Шатель Марвея. И мы чувствуем отголосок всех страданий, всех преодолений души рассудочной в сказаниях, связанных со Святым Граалем. Все, что должно было измениться в человеческой душе в более новые времена, все это являлось тому, кто знакомился с сущностью мистерий. Достаточно указать на один конкретный случай.

Можно часто слышать от людей, имеющих еще недостаточное понимание в этом деле, вопрос: «Как может, например, такой человек, как Гёте, нести в своей душе, с одной стороны, известные тайны, а с другой стороны, так часто покоряться страсти?» Такое представление возникает при внешнем прочтении биографии Гёте. И действительно, в личности Гёте перед нами выступает яркий пример «двойственной природы».

Для поверхностного взгляда трудно сочетать две эти стороны Гёте: с одной стороны, возвышенная, великая душа, сумевшая создать определенные места второй части «Фауста», выразившая некоторые глубокие тайны человеческого существа в «Сказке о зеленой Змее и прекрасной Лилии», и хочется забыть многое известное нам из биографии Гёте и всецело отдаться душе, совершившей нечто подобное, если видеть только эту прекрасную душу. Но в Гёте выступает, мучая его самого, часто подвергая его угрызениям совести, и другая сторона его природы, во многих отношениях «человеческая, слишком человеческая».

В древние времена такого разделения, такой раздвоенности природы человека не было, она не могла так распадаться. Человек с биографией, подобной биографии Гёте, не мог бы тогда прийти к таким высотам, о которых свидетельствуют некоторые места во второй части «Фауста» или в «Сказке о зеленой Змее и прекрасной Лилии», и быть раздвоенным в своей душе. В древности это было невозможно. Это стало возможным лишь в более новые времена, ибо в человеческой природе находится вышеуказанная, ставшая бессознательной часть души и омертвевшая часть физического организма. То, что сохранилось живым, может просветляться и очиститься настолько, что в нем найдется место тому, что приведет к «Сказке о зеленой Змее и прекрасной Лилии», между тем как все остальное может

подвергаться нападению внешнего мира.

И потому, что там могут гнездиться охарактеризованные выше силы, при известных обстоятельствах может наступить весьма незначительная согласованность с высшим «Я» человека. Нужно только понимать, что душа, жившая в Гёте, принадлежала некогда одному из египетских посвященных, жившему затем в Греции, бывшему там ваятелем и в то же время учеником философов. Затем следует еще одна инкарнация, которую я до сих пор не мог найти, — вероятно, только одна — между этим греческим воплощением и воплощением Гёте. Если мы вызовем все это перед своей душой, то можем увидеть, как сводится, спускается вниз такая душа, которая в древнейших воплощениях могла владеть всем человеком, но затем должна была оставить немного от общей природы человека, и на это могут влиять злые силы.

Это и есть нечто таинственное и понимаемое с трудом в таких натурах, как Гёте. Но это же выявляет и многие тайны в современной человеческой душе. Все, что относится к двойственности в человеческой природе, касается прежде всего души рассудочной, которая, собственно, и раскалывается на «две души», одна из которых может довольно сильно погрузиться в материю, а другая вознестись в духовное.

Итак, в «рыцарях Круглого стола короля Артура» нам дано повторение всего, что новый посвящаемый переживает в определенном смысле в душе ощущающей. В том, что группировалось вокруг Святого Грааля, представлено то, что в более новое время может пережить душа рассудочная, или душа характера. Все, что должен пройти человек теперь, чтобы достаточно укрепить одну часть своей природы и быть в состоянии в более новые времена проникнуть в тайны духовных миров, должно происходить в душе сознательной. То новое, что должно прийти, все, что должно произойти в душе сознательной, выкристаллизовалось вокруг образа Парсифаля. Все легенды, связанные с Круглым столом короля Артура, являются повторением переживаний в древности души ощущающей; все легенды и рассказы, непосредственно связанные со Святым Граалем, за исключением истории Парсифаля, дают то, что должна пережить душа рассудочная; а все, что выражено в образе Парсифаля, этого идеала нового посвящения, поскольку оно зависит от души сознательной, представляет собой силы, которые будут усвоены нами преимущественно с помощью того, что мы называем душой сознательной.

В этих трех легендарных образах выявляется, в сущности, взаимодействие трех душевных членов человека нового времени. Как в древних сказаниях можно почувствовать глубокие тайны человеческой души, так и в этих легендах можно почувствовать глубокие тайны мистерий новых времен. Совершенно неправдоподобно, когда пробуют возбудить представление, что сущность посвящения не изменялась с древнейших времен и что человек современного Запада должен проходить те же ступени посвящения, что и человек древнего, а также нового Востока. Вещи, пожалуй, таковы, что для некоторых народностей характерное в более раннем периоде остается также и в более позднее время. Но более верным является то, что сущность посвящения новых времен носит более внутренний характер, хотя и предъявляет более твердые требования к глубочайшему в человеческой душе, но в определенном смысле не подходя непосредственно к внешней природе человека. Так что в гораздо большей степени, чем в древнем посвящении, внешнее должно быть просветлено и очищено благодаря тому, что внутреннее становится более сильным и становится господином над внешним. Внешний аскетизм, внешняя тренировка относятся больше к сущности древнего посвящения; непосредственная же эволюция самой души, развитие этой душой крепких сил именно внутри себя принадлежит более к сущности нового посвящения. Именно из-за тех внешних отношений, что сложились ныне, лишь с течением времени можно будет преодолеть мертвые «включения» в человеческой природе, которые сегодня могут так сильно беспокоить посвящаемого. Нужно заметить, что в наше время и в будущем будет существовать еще много натур, подобных Гёте, которые высоко поднимаются одной частью своего существа, другой — слишком глубоко связаны с «человеческим, слишком человеческим». Натуры, в прежних своих воплощениях не обладавшие такими особенностями, а, напротив, являвшие тогда известную гармонию между внешним и внутренним, в своих новых воплощениях могут проявить глубокую дисгармонию внешней и внутренней организации. Познавшие тайну человеческих воплощений при виде такой дисгармонии не впадут в заблуждение, ведь по мере того, как нарастает все это, растет также и человеческая способность суждения, и исчезает прежний принцип

авторитета. Поэтому все более и более нужно апеллировать к проверке того, что исходит из мистерий. Было бы удобнее считаться лишь с внешней стороной тех, кто выступает в качестве учителей, ибо тогда не приходилось бы вдаваться в то, связаны ли факты, которым они должны учить, высказывать и духовно обходиться, с человеческим рассудком и со свободной от предвзятости логикой. И хотя ни в коем случае нельзя защищать двойственность человеческой природы, а нужно строжайшим образом требовать господства души над внешним, но все же необходимо сказать, что указанные факты согласны с новейшим развитием. Ибо, в сущности, до сих пор еще, хотя и в ином облике, сохранились последствия влияний Клингзора и Иблис. Особенно в наше время мы стоим перед эпохой, когда воздействия и атаки, исходящие от Клингзора и Иблис, постепенно захватывают людей, вкрадываясь в их интеллектуальную жизнь, в ту интеллектуальную жизнь, которая связана с современным образованием, с популяризацией современной науки. О том, что с давних пор учит человек, что считается правильным сообщать и прививать ребенку, что взято в основу современного образования, нельзя судить лишь с точки зрения того, кто думает, будто бы ему все ясно, что он хорошо понимает эти вещи и находит их абсолютно верными, но судить надо по тому, как оно влияет на душу, что за впечатления получает душа, оплодотворяется ли она этим обучением. И если человек становится все умнее и умнее в том смысле, в каком теперь принято считать человека «умным», в его душе развиваются силы, которые уже в этом воплощении сыграют ведущую роль в склонности к материализму или монизму, но зато увядают определенные живые силы, которым необходимо быть в организме человека. И когда такая душа, принявшая в себя только этот своеобразный осадок современного воспитания, придет в следующее воплощение, то ей будет недоставать сил для правильного построения организма. Чем «умнее», рассудочнее был человек в своем прошлом воплощении относительно времени, в которое мы вступаем, тем «слабоумнее» будет он в позднейшем воплощении. Ибо те категории и понятия, которые относятся лишь к внешне-чувственному бытию и его представлениям, которые объединяют и сохраняют внешне-чувственное бытие, создают в душе такую конфигурацию, которая при всей своей тонкости в интеллектуальном отношении теряет интенсивную силу, необходимую, чтобы влиять на мозг и пользоваться им. А быть не в состоянии пользоваться своим мозгом в физической жизни и значит быть слабоумным.

Если бы то, что утверждают материалисты, было истиной: например, что мозг — это то, что мыслит, то можно было бы, разумеется, дать им некоторое утешение. Но именно это утверждение неверно так же, как и другое: что «центр речи» образовался сам собой. Он образовался благодаря тому, что люди учились говорить, и потому центр речи является результатом речи. И точно так же вся деятельность мозга есть результат мышления, а не наоборот, это же относится и к истории. Мозг пластически построен мышлением. Но если люди будут развивать только такие мысли, которые в ходу теперь, если мысли не будут пронизаны мудростью духовного, то души, мысли которых заняты теперь лишь материальным, в позднейших воплощениях уже не смогут правильно пользоваться своим мозгом, так как их силы будут слишком слабы и не смогут правильным образом подступиться и освоить его. Душа, которая теперь, скажем, лишь подсчитывает дебет и кредит, или занимается торговыми сделками в коммерческой и промышленной жизни, или усваивает лишь материалистические понятия науки, наполняет себя такими мыслительными образованиями, которые постепенно в дальнейших воплощениях затемняют сознание, ибо мозг, став непластичной массой, как случается это теперь при размягчении мозга, не может быть пронизан силами мысли. Поэтому для того, кто всматривается в глубочайшие силы человеческого развития, все, что может жить в душе, должно быть пронизано духовным пониманием мира.

Человеческая природа в новые времена может быть двойственной, но человек должен усваивать знание, внутреннее духовное познание силами, принадлежащими главным образом душе сознательной. Человек должен преодолеть две области, через которые проходит Парсифаль: он должен преодолеть «смутность» и «сомнение» в своей душе. Если бы в позднейшие воплощения он принес с собой смутность и сомнение, то не справился бы с ними. Человек должен стать знающим в отношении духовных миров. Лишь благодаря тому, что в человеческой душе распространяется жизнь, которую Вольфрам фон Эшенбах называет «зельде» (Saelde) и которая есть не что иное, как жизнь, изливающая духовное знание на душу сознательную, лишь

благодаря этому человеческое душевное развитие может действительно плодотворно перейти из пятого периода в шестой.

Это относится к результатам новейших мистерий, эти важные значительные достижения должны быть почерпнуты из современных мистерий, являющихся наследниками мистерии Грааля. И в отличие от всех древних мистерий это знание может быть действительно понято всеми. Постепенно все бессознательные и мертвые силы души и организма должны быть преодолены с помощью глубокого пронизания их духовным знанием, то есть разумным, понятым духовным знанием, а не знанием, построенным на авторитете.

Но даже вещи, высказанные сегодня, если принять во внимание все, что может дать людям современное образование, современное знание, даже эти вещи, будучи услышаны (найлены они могут быть лишь тем, кто сам воочию познал современные мистерии), могут быть вполне поняты, действительно поняты до конца. И они должны быть поняты до конца. Возможно, во внешнем облике современного человека, стремящегося в высшие миры, будет еще нечто и от «человеческого, слишком человеческого», и от того, благодаря чему он возвышается над «человеческим, слишком человеческим». Да, сквозь доспехи духовного еще может просвечивать «платье дурака», как у Парсифаля. Но дело не в этом. Дело в том, чтобы в душе имелось стремление к духовному знанию, к духовному пониманию, то неугасимое стремление, которое было у Парсифаля и привело его в конце концов к замку Святого Грааля. Если правильно понять сказанное о Парсифале, то можно найти в этом всевозможные упражнения души сознательной, необходимые для правильного воздействия на нее, чтобы человек мог овладеть силами, завихряющимися и борющимися между собой в душе рассудочной. Чем больше современный человек углубляется в себя и стремится к самопознанию, к честному самопознанию, тем более будет ощущать в своей душе борьбу — борьбу внутри души рассудочной. В связи с этим «самопознание» в настоящее время проходит гораздо более трудно, чем предполагают, и оно будет, по сути дела, становиться все труднее и труднее. Если кто-нибудь стремится к самопознанию, — даже если он в состоянии быть твердым и во многих отношениях внешне обуздывать себя, держать себя в руках и обладать, что называется, «характером», — то в определенные моменты своей жизни он будет замечать, как во внутренних глубинах его души кипят сокрытые страсти и таятся силы, разрывающие то, что принадлежит к области души рассудочной. Порой перед нами стоит современный человек, серьезно принимающий знание и познание. Но трудность этой внутренней жизни, может быть, никогда не откроется тем, кто видит настоящее знание и истинное познание лишь во внешней научной работе или в обсуждении того, что происходит во внешней науке. Но душа, достойно и серьезно стремящаяся к познанию, правдиво заглядывая внутрь себя, видит иное. Обращаясь подчас к той или другой науке, она ищет в ней, ищет также и в жизни разгадку того, что выступает в человеческой жизни. После некоторого периода поисков она видит, что узнала то или другое. Но она продолжает искать. И чем больше она ищет с помощью средств нашего времени, тем чаще чувствует она себя растерзанной и впавшей в сомнение. Получив образование своего времени, душа зачастую признается себе самой, что оно не дает ей необходимого знания, и тогда эта душа часто самым серьезным, самым достойным образом занимается самопознанием.

В сущности, в наше время и не может быть глубокой и серьезной души, которая не прошла бы через грызущее сомнение. Современная душа должна познать грызущее сомнение! Лишь тогда она с крепкими силами может войти в духовное знание, принадлежащее, собственно, душе сознательной, которое должно из души сознательной быть излито в душу рассудочную, чтобы стать в ней господином. Поэтому мы должны стараться разумным образом проникать в то, что нашей душе сознательной дается из области оккультного знания. Этим мы воспитаем в себе такое «я», которое станет истинным господином и владыкой внутри нас, в глубине нашей души. Знакомясь с сущностью современных мистерий, мы встречаемся лицом к лицу с самим собой.

Человек, приближающийся к сущности современных мистерий, должен почувствовать, что оказался перед самим собой, что он стремится обладать добродетелями Парсифаля, зная, однако, что из-за всех вышеописанных отношений более новых времен и будучи сам человеком этого времени, он — в глубине души также и иной, он — раненый Амфортас. Современный человек несет в себе эту

двойственную природу: стремящегося вперед Парсифаля и раненого Амфортаса. Так в своем самопознании современный человек должен чувствовать себя самого. Отсюда берут исток силы, которые из этой двойственности должны создать единство, вести человека по пути мирового развития дальше. В нашей душе рассудочной, в глубине нашего внутреннего, должны встретиться раненый в определенном отношении телом и душой современный человек, Амфортас, и Парсифаль, хранитель души сознательной. И не в переносном, а в прямом смысле сказано, что человек, дабы достичь свободы, должен пройти через рану Амфортаса, должен познать в себе Амфортаса, чтобы познакомиться затем и с Парсифалем. Как в Египте было естественно подниматься в высшие миры, чтобы познать там Изиду, так в наше время естественно исходить из духовности этого мира и через духовную природу этого мира подниматься соответствующим способом в высшие духовные миры. Для нашего времени будет ошибочным отвергать природу Амфортаса.

Современный человек так охотно окружает себя майей, он желал бы отвергнуть и Амфортаса. Как прекрасно звучат слова: «Человечество непрестанно идет вперед». Но это «движение вперед» проходит запутанным путем! И чтобы в природе человека могли развиваться силы Парсифаля, в самом человеке должна быть познана природа Амфортаса.

В связи с легендами, из которых я попытался извлечь образы глубоких душевных процессов, в этом цикле я старался хоть немного приблизить глубины ваших чаяний к сущности современных мистерий. Может быть, со временем нам удастся более определенно побеседовать о том, что существо современных мистерий открывает в сущности современного человека, о двойственной природе, которую несет в себе человек: об Амфортасе и Парсифале.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая неделя февраля 1913 года в Берлине была отмечена многими важными мероприятиями вновь образованного Антропософского общества. 2 февраля вместо 11-го генерального собрания немецкой секции Теософского общества, от которого Антропософское общество отделилось, состоялась первая встреча Антропософского общества. 3 февраля прошло первое генеральное собрание нового Антропософского общества. 5 февраля состоялось генеральное собрание Союза Иоаннова здания. (Подробнее см. в томе 286 ПСС Рудольфа Штайнера.)

Текст данных лекций основан на стенограммах Вальтера Фегелана, стенографировавшего многие лекции Рудольфа Штайнера до Первой мировой войны. Текст дается по расшифровке стенограмм. Первоначальные стенографические записи не сохранились.

Труды Рудольфа Штайнера составляют 354 тома собрания сочинений на немецком языке. Ссылки на тома даются по общепринятой немецкой нумерации.

Настоящее издание представляет т. 144 в Полном собрании сочинений Рудольфа Штайнера и содержит четыре лекции, прочитанные в Берлине 3, 4, 5, 7 февраля 1913 года. Согласно «Библиографическому обзору литературных и художественных произведений Рудольфа Штайнера» (*Bibliographische Übersicht. Das literarische und künstlerische Werk von Rudolf Steiner*) в некоторых изданиях этого цикла лекций на немецком языке было ошибочно указано, что последняя лекция была прочитана 6-го вместо верного — 7-го февраля 1913 года. (См. т. 1 стр. 77.)

1. Речь идет о Фридрихе Теодоре Фишере (1807— 1887) и его романе «Auch Einer».

2. Густав Теодор Фехнер (1801-1897), «Professor Schieiden und der Mond», Leipzig, 1856; Маггиас Якоб Шлейден (1801 — 1881) немецкий ботаник.

3. Амшаспанды (*среднеиранск.*) или Амеша Спента (*санскрит*) - «бессмертные святые» составляют небесную свиту Ахура-Маздао: Спента Майнью («дух святости»), Воху Мана («благая мысль»), Аша Вахишта («истина»), Хшатра Вайрья («власть», с оттенком значения «царство божие»), Армайти («благочестие»), Аурват (иначе Хаурватат, «целостность»), Амертат («бессмертие»). См. Мифологический словарь, М.: СЭ, 1990. С. 40.

Имя, присвоенное в Авесте официальным богам, есть Язата («достойный почитания») или Изед (*новоперсидск.*). См.: Иллюстрированная история религий. В 2 т., репринт 1899 года, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Т. 2. с. 164.

4. Ejeħ asher ejeħ — «Я есмь сущий» (Исход, 3:14).

5. Kalot-Bobot и т.д. — В отношении французских и арабских названий Рудольф Штайнер следует переложению «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха на литературный немецкий язык (San-Marte, Magdeburg, 1836). Эти названия и имена разными переводчиками даются по-разному.

Рудольф Штайнер

Мистерии Востока и христианства

Ответственный за выпуск: Головина В. П. Редактор перевода: Пронина О. Г.

Технический редактор: Богданова Е. С. Корректор: Маслова Т. Н.

Художественное оформление и верстка: Терещенко М. С.

ISBN 5-90229-115-1 ЛР 040591 от 15.04.98 Издательство «Новалис», г. Москва

тел. (495) 236-51-39 Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 21 9785902291152

2006 «НОВАЛИС» МОСКВА

БКБ 86.391 Ш87 Штайнер Р. Мистерии Востока и христианства. - М.: Новалис, 2006. - 95 с.

ISBN 5-902291-15-1 (рус.) ISBN 3-7274-1440-5 (нем.)

В предлагаемой книге впервые на русском языке издаются лекции тома 144 из Полного собрания сочинений (Gesamtausgabe, Rudolf Steiner Verlag, Dornach, Schweiz) основателя антропософии Рудольфа Штайнера.

В настоящем тексте на примере посвящения в мистериях Древнего Египта и Персии показаны общие для всех мистерий ступени посвящения. Лекции освещают также особую роль Моисея по распространению древнеегипетской тайны Озириса и возрождение тайн древнеегипетских мистерий в рыцарях Круглого стола короля Артура. Раскрывается значение образов Парсифаля и Амфортаса в мистериях Святого Грааля.

© Издательство «Новалис», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Марии Штайнер к первому изданию книги (1932)

Первая лекция. Берлин, 3 февраля 1913 года

Сущность мистерий в ее взаимосвязи с духовной жизнью человечества. Посвящение в современное время предполагает укрепление и преобразование душевных сил: впечатления чувств, мысли и суждения из цели должны превратиться в средство, чтобы преодолеть ограниченность точек зрения и мнений. Ступени посвящения: 1-я ступень: переживание смерти; 2-я ступень: переход через элементарный мир.

Вторая лекция. 4 февраля 1913 года

Укрепление душевных сил как предпосылка для восхождения в высшие миры. Взаимопроникновение законов природы и моральных законов в духовном мире. Встречи с душами умерших. Посмертные последствия от бессовестности и поиска удовольствий в земной жизни. 3-я ступень посвящения: созерцание Солнца в полночи. Сверхчувственное переживание мира растений и его взаимосвязи с Солнцем и звездами. У спящего человека физическое и эфирное тела подобны растению, «я» и астральное тело подобно Солнцу и звездам.

Третья лекция. 5 февраля 1913 года

Дальнейшие ступени подъема в духовный мир. 4-я ступень: встреча с высшими и низшими богами. Болезненные переживания души. Посвящение в древних мистериях. Построение физической и эфирной оболочек через Амшаспанд и Изед в посвящении Заратустры. Ранние и поздние египетские мистерии. Изиды и Озирис. «Сыновья вдовы». Распространение тайны Озириса Моисеем. Поздние египетские и греческие мистерии: умолкание Мирового Слова. Покинутость и одиночество посвящаемого. Умирание бога, переходящего в другой мир.

Четвертая лекция. 7 февраля 1913 года

Мистериальные тайны египетской культуры души вновь оживают в рыцарях Круглого стола короля Артура. Король Артур, его рыцари и Гиневра - отражение в человеческих образах круга Зодиака, Солнца и Луны. Повторение тайн души рассудочной и характера в Святом Граале. Противники Грааля Клингзор и Иблис. Двойственная природа современного человека: стремящийся вперед Парсифаль и раненый Амфортас. Преодоление смутности (притупления чувств) и сомнения благодаря новым мистериям.

Примечания

Библиографическая справка

К ПУБЛИКАЦИЯМ ЛЕКЦИЙ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

Все лекции Рудольфа Штайнера — за исключением некоторых специальных курсов в рамках Свободной Высшей школы духовной науки при Гётеануме — с 1924 г. стали общедоступны. В марте 1925 г. он пишет по этому поводу в автобиографии:

«Итог моей антропософской деятельности представлен двумя видами изданий: это, во-первых, мои книги, опубликованные и всем доступные; во-вторых, целый ряд курсов, которые сначала предназначались для частного издания и должны были продаваться только членам Теософского (позже Антропософского) общества. Это были более или менее удачные записи моих лекций, которые из-за отсутствия времени не могли быть мной исправлены. Я хотел, чтобы устно произнесенное слово оставалось бы только устно произнесенным словом. Но члены Общества хотели частных выпусков этих курсов, и это привело к их изданию. Если бы у меня было время на проверку, то с самого начала не было бы необходимости ставить на них пометку «Только для членов Общества».

...На этих лекциях присутствовали только члены Общества. Они были знакомы с основами антропософских знаний, поэтому к ним можно было обращаться как к уже продвинутому в области антропософии. Весь образ этих закрытых лекций был таким, каким не могли обладать письменные сочинения, предназначенные для открытой публикации.

В закрытом кругу я мог говорить о вещах иначе, чем должен был бы о них говорить, будь они с самого начала предназначены для открытой печати.

Нигде и ни в малейшей степени не было сказано ничего такого, что в чистом виде не представлялось бы результатом развития антропософии....

Читающий эти частные публикации может принимать их в самом полном смысле слова за то, что должно быть сказано антропософией. Поэтому можно было без колебаний отступить от прежнего обычной распространять эти издания только в кругу членов Общества.

Однако приходится допустить, что в несмотренных мною записках возможны ошибки.

Но право на суждение о содержании подобной частной публикации может быть отдано, конечно, только тому, кто признает исходные посылки, необходимые для такой оценки. Такими послылками для большей части этих лекций является, по крайней мере, антропософское познание человека и Космоса, ибо в антропософии представлено существо человека, а также знание того, что в сообщениях из духовного мира дается как «антропософская история».

Первоначально Рудольф Штайнер часто применял в своих лекциях слова «теософия» и «теософский» для определения основанной им в начале XX века антропософски ориентированной духовной науки. Позже в соответствующих случаях он начал употреблять такие понятия, как «духовная наука» или «антропософия», «духовнонаучный» или «антропософский». По его указанию эти позднейшие обозначения введены в большинство последующих изданий его лекций. Такие же (или соответствующие им по смыслу) понятия и определения используются и в переводе этих лекций на русский язык.

ПРЕДИСЛОВИЕ МАРИИ ШТАЙНЕР К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ (1932)

Еще до смены девятнадцатого века двадцатым, когда материалистическая жизнь Европы развернулась в полную силу, рассеянные повсюду ищущие души спасались от духоты обывательской жизни, обращаясь к различным движениям, в которых они чаяли найти или духовный импульс, или забвения мучительных неразрешимых вопросов о смысле бытия. Они искали себя в идеалистических социальных, политических революционных течениях, различных сектах и толстовстве: лишь бы их бытие обрело выходящую за узость их собственной личности цель, для того чтобы уйти от мучительных вопросов бессмысленности бытия в пределах физической телесности, обусловленной рождением и смертью. Наука не давала ответа на эти вопросы, интеллект капитулировал перед ними, в своем узколомом высокомерии категорично отсылая мятущуюся душу обратно в узкие пределы физической телесности. С упорным ожесточением надеялся он не отступаться от замкнутого круга, в котором был заключен чувственным восприятием, и любую попытку вырваться из этого круга и достучаться до врат духа отвергал как недостойную и дилетантскую. Все более отягчаясь тяжелыми влияниями мертвого мышления современности, замерзая и не получая совета, человеческое «я» стояло перед замкнутыми вратами духа.

Из сумеречной тьмы древних времен подобно светочу доносилось то или иное слово. Раньше оно принадлежало мистериальному знанию. Центры мистерий были закрыты для профанов. Доступ в такие места был связан с угрозой для жизни и был возможен лишь после строгих испытаний и обетов. О том, что разыгрывалось там, в глубокой тайне, не дозволено было сообщать внешнему миру. Разгласивший тайну карался за это смертью. Из мистерий развивались культуры, правители государств и их советники, религии и их основатели, искусства и учения мудрости. Так, под мощным влиянием того, что исходило из мистериальных центров, формировалась история, и одна культура следовала за другой, человек завоевывал и осваивал все новые области бытия, одновременно отдельные человеческие души под опытным руководством поднимались со ступени на ступень по лестнице человеческого развития, погружаясь в глубь своей души, переходя от неопределенности всебытия к становящейся все более сознательной собственной жизни, чтобы, окрепнув, сильное «я» человека вернулось вновь к всебытию.

На этом пути человек претерпевал испытания, благодаря которым мог расти. Здесь его также подстерегали опасности, побеждая которые человек становился знающим. Целью первого испытания было самопреодоление; огромная опасность таилась в том, чтобы не потерять себя.

И сегодня многие люди подвергаются этой опасности: это бесчисленные одинокие души, которые чувствуют своя «я» все более и более ускользающим. Юношество, погибающее через внутреннее умирание, подобно живому трупу влачитя сквозь мир. Человечество, ужасаясь, внезапно оказывается втянутым в кризис конъюнктуры, ему грозит утратить человеческое, ему приходится капитулировать перед машинами.

Но среди этой опасности утраты человеческого достоинства и самоутверждения громко и отчетливо раздается голос мистерий. По-иному, чем прежде. Ибо мистерия и их весть изменились. В определенное время мистерии были вынуждены вернуться в ночь сокровенного, их голос умолк до тех пор, пока новая мистерия не исполнилась вновь в деянии Христа на Голгофе. Выйдя из прежней уединенности в широкую жизнь человечества, она исполнилась на глазах всего мира. Тем самым была пройдена точка поворота и началась новая фаза действия мистерий.

Старые мистерии исполнили свою задачу. Могучее величие, медленно готовившееся в недрах мистерий, являющее собой смысл земного развития, став свершением, подобно яркой вспышке озарило Землю. Не все мистериальное знание смогло проникнуться новым импульсом, такое знание стало формальным, что привело в дальнейшем к декадентским искажениям. Декадентские искажения скоро подпали силам зла, вступив с ними в союз, и утратили свой чистый первообраз. Сокровенное чистое зерно сути должно было искать себе другие формы выражения. В стороне от сцены внешних человеческих свершений, не связанная более с определенной местностью, вдали от мирской и церковной суеты, возникла новая эзотерика; ее задача заключалась в том, чтобы вести человеческое «я» к бодрственному сознанию, к постижению самого себя, к обретению духовного мира из сил собственной свободной воли.

Внешнему миру были неизвестны сокровенные места, в которых пестовалось соответствующее времени мистериальное знание. Оно не находилось более в центре и подоснове изливавшихся вовне культур. В то же время биение сердца мирового свершения сокровенным образом подобно путеводной

звезде вносило жизнь в духовное кровообращение человечества. Часто осуществлялись попытки препятствовать этим насущным призывам к бодрости и свободе людей. Государства и церкви отклоняли эти призывы; их светская власть не была склонна замечать угрозу, а все еще имеющиеся представители древней мистериальной традиции, стоявшие за кулисами исторических событий и руководившие, направлявшие их ход, хотя и ограниченно из-за политических и частных целей властителей, и боявшиеся упустить свое влияние из рук, даже проявляли враждебность по отношению к этим призывам. Истинное мистериальное знание было в силах возвысить людей из разрозненности, из раздробленности по нациям, экономическим кругам и сословиям к единению и общности. Особые властные силы в угоду собственным целям стремились воспрепятствовать этому. Но жизнь, что возникла из духовного первоисточника, невозможно умертвить. Она прокладывает себе путь сквозь все преграды.

И сейчас уже пробил час, когда мистерии должны обратить свое слово ко всем людям. Человечество не сможет вырваться из заблуждений, если не овладеет этими знаниями. В трудах Рудольфа Штайнера, этой жертвенной деятельности великого гения нашего времени, находятся пояснения, соответствующие сознанию современного человека, данные в связи с теми всемирными духовными свершениями, что разыгрываются за видимыми фактами истории; но там также можно найти и все, что нужно человечеству в будущем, чтобы разрушить темницу своего узкого самобытия и, преодолев собственную эгоистичность, достичь внутренней свободы, пройти вратами познания в мир духа, к которому мы внутренне принадлежим.

Нет иного пути к обретению нашего человеческого достоинства, иного пути найти человека в себе. Противоборствующие человеческому прогрессу силы пытаются сбить человека с этого пути, с тем чтобы в нас одержал победу зверь или демон машин удушил бы человека. Нет иного средства, чем познание совершающихся непрестанно преобразований формы, субстанции и сознания, которые переживаются в человеческих событиях и выпестованы в мистериях.

RUDOLF STEINER

Die Mysterien des Morgenlandes und des Christentums

Vier Vorträge, gehalten in Berlin vom 3. bis 7. Februar 1913

1985 RUDOLF STEINER VERLAG DORNACH/SCHWEIZ